

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 29

ЯНВАРЬ-МАРТ 1978

ГОД ИЗДАНИЯ – ШЕСТОЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе

Редакционная коллегия: Эдвард Клайн

Павел Литвинов

Лондонский корреспондент: Питер Реддавей

”Хроника защиты прав в СССР” не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий.

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE

Editorial Board: EDWARD KLINE, New York

PAVEL LITVINOV, New York

London Correspondent: PETER REDDAWAY

Copyright © 1978 by: KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

В защиту Гинзбурга и Орлова	5
Заявление П. Григоренко	9
Арестован Лев Лукьяненко	11
В защиту Зиновьева (документ Московской группы № 33)	16

* * *

В СССР организован независимый профсоюз. Устав профсоюза	18
Марченко о положении рабочих	21
О нарушениях почтовой и телефонной связи. (Документ № 25)	28
О переселении таджикских горцев	32
<i>М.З. Новиков.</i> Правовые вопросы репатриации	35

Документы юридической практики

Документы об обыске на аэродроме	43
Фальсификация почтовых уведомлений	44

Десять лет "Хронике текущих событий"

Горбаневская об основании "Хроники текущих событий"	45
<i>Л. Алексеева.</i> "Хронике текущих событий" — 10 лет	49

Юридический комментарий

<i>В. Чалидзе.</i> О возможности участия иностранных адвокатов в советском уголовном процессе	59
--	----

Из прошлого

Н. Хрущев о правах человека	64
---------------------------------------	----

Библиография

Поступления Самиздата	69
Издательство "Хроника" за пять лет	75
Указатель имен	77

СООБЩЕНИЯ

Арестован

В Узбекистане:

В Ташкенте — глава Всесоюзной Церкви адвентистов седьмого дня 82-летний Владимир Шелков (ранее отбыл три срока — в общей сложности 23 года — в тюрьмах, лагерях и ссылке).

Приговорены

На Украине:

Мирослав Маринович и Николай Матусевич — к 7 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки каждый по ст. 70 УК РСФСР. Маринович и Матусевич — члены Украинской группы "Хельсинки".

В Грузии:

Член Грузинской группы "Хельсинки" Григорий Гольдштейн к 1 году по обвинению в уклонении от общественно полезного труда.

Лишены советского гражданства

Петр Григоренко, Мстислав Ростропович и Галина Вишневская.

* * *

♦ В. Клебанов — один из учредителей свободного профсоюза трудящихся — насильственно помещен в психиатрическую больницу.

♦ Освободилась по амнистии (к 60-летию Октябрьской революции) Мальва Ланда.

♦ Обвинение Юрия Орлова переквалифицировано на ст. 70 УК РСФСР.

В ЗАЩИТУ ГИНЗБУРГА И ОРЛОВА

За год, прошедший с ареста Александра Гинзбурга и Юрия Орлова, стало известно о многих выступлениях на Западе в их защиту. Много выступлений было в защиту и других арестованных членов Хельсинкских групп.

Характерной чертой выступлений последнего года является то, что в защиту арестованных членов Хельсинкских групп выступили многие адвокаты в разных странах. Недавно в США был создан Комитет юристов в защиту преследуемых членов Хельсинкских групп. Об этом объявил на пресс-конференции 3 февраля 1978 г. Ремзи Кларк* — американский адвокат, принявший на себя защиту Миколы Руденко и Алексея Тихого. На той же пресс-конференции выступила президент Русского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям Н. Солженицына.

Говоря о деятельности А. Гинзбурга в Фонде, Н. Солженицына, в частности, сказала:

Сегодня исполнилось 8 лет, отнятых из жизни Александра Гинзбурга советскими тюрьмами и лагерями.

Я знаю Александра Гинзбурга 14 лет. Мы познакомились в 1964, когда ему было 28 и он уже отсидел 2 года в лагере. Он привлекал своей открытостью, острым вниманием к несправедливости и чужому горю, светлой душой, четким умом. Вскоре его снова арестовали и дали 5 лет лагерей строгого режима. Александр Гинзбург — из тех редких людей, для кого собственные страдания кажутся ничтожными в сравнении с морем горя вокруг. В лагере его сердце вместило трагические судьбы сотен друзей-заключенных, бедствия их жен и детей. Я была очень дружна с его женой Ириной и хорошо помню, как он писал ей из тюрьмы незадолго до освобождения: "Пойми и прими — я никогда не смогу забыть тех, кто останется здесь, я должен отдать им все силы". Это значило: и после освобождения не будет покоя и благополучия. Верная Ирина приняла это.

Когда в 1972 он, после второго срока, тяжело больным вышел из тюрьмы, он познакомился с Александром Солженицыным и вызвал его глубокое уважение неизменной верностью узникам Архипелага

* Ремзи Кларк — адвокат, бывший министр юстиции США, автор недавно вышедшей в СССР книги "Преступность в США".

и спокойным мужеством, с которым готов был на новые лишения и новый арест. Они стали друзьями. Тогда же у них возникла идея наладить систематическую помощь семьям ээков. Для этой цели А. Солженицын предложил свои литературные гонорары на Западе. Тогда же, в 1973, эта помощь начала осуществляться.

Тотчас после насильственной высылки из СССР в 1974 году А. Солженицын основал в Швейцарии Русский общественный фонд, куда отдал все гонорары от книги "Архипелаг ГУЛаг", во всех странах и на всех языках. Главным распределителем средств Фонда на территории СССР стал Александр Гинзбург и оставался им бессменно 3 года, вплоть до ареста. За это время Фонд помог сотням семей заключенных, не делая никаких национальных, политических и религиозных различий. Среди тех, кто получил нашу помощь, — русские, украинцы, литовцы, евреи, немцы, армяне, грузины, эстонцы, татары; православные, мусульмане, иудаисты, баптисты. Единственным критерием при распределении средств Фонда является степень нужды данной семьи. Александр Гинзбург обладал исключительными качествами для этой трудной и опасной работы: доброта, бесстрашие, спокойствие, редкая память: он помнил, сколько у кого детей, какой мальчик болен и какое лекарство ему нужно, у какой девочки нет теплой одежды, чья жена не имеет денег на посылку мужу, кому не под силу купить билет, чтоб поехать в лагерь на свидание. Тяжело больной, он находил время для всех. Он работал в условиях постоянной слежки, подслушивания, перехвата писем, многократных грабительских обысков.

В феврале 1977 Александр Гинзбург был арестован органами государственной безопасности. Мне хотелось бы привлечь внимание присутствующих к тому яркому факту, что именно госбезопасность занимается этим делом: в нашей стране милосердие всегда считалось опасным для государства.

* * *

В защиту д-ра Юрия Орлова известно много выступлений западных ученых. В марте семеро физиков — членов Национальной Академии наук США (Джордж Чу, Дональд Глейзер, Гертруда Голдбахер, Поликарп Куш, Генри Примакофф, Джералд Захарас, Эдвин МакМиллан) в ответ на призыв Валентина Турчина заявили об отказе сотрудничать с Советским Союзом в области физики до освобождения Ю. Орлова. Они также потребовали допуска на суд над Орловым западных наблюдателей.

Стало известно о создании Комитета защиты Юрия Орлова. Комитет направил советскому послу в США Добрынину следующую телеграмму:

Мы, нижеподписавшиеся, образовали комитет в защиту Юрия Орлова. Мы озабочены судьбой нашего коллеги, член-корреспондента

Армянской Академии наук, который уже более года находится в тюрьме без связи с внешним миром.

Мы обеспокоены тем, что дело Орлова и подобные дела могут поставить под серьезную угрозу дальнейшее развитие научных контактов между нашими странами.

Мы призываем советские власти освободить д-ра Орлова. Если же его будут судить, то пусть это будет открытый суд, с присутствием иностранных корреспондентов и наблюдателей, представляющих международную научную общественность.

Оуен Чамберлейн, Калифорнийский университет в Беркли.

Нобелевский лауреат

М.Л. Голдбергер, Принстонский университет, кандидат в президенты Калифорнийского технологического института

Поликарп Куш, Техасский университет в Далласе. Нобелевский лауреат.

Р.Е. Маршак, президент Городского колледжа Нью-Йорка.

С.Н. Янг, Университет штата Нью-Йорк, Стонибрук. Нобелевский лауреат.

Адрес Комитета:

Куш, Бокс 688

Ричардсон, Техас 75080

* * *

10 февраля 1978 г. Христианский комитет защиты прав верующих в СССР выпустил следующее обращение.

ОБРАЩЕНИЕ

(к годовщине ареста Ю.Ф. Орлова)

Возникновение международного общественного движения в защиту прав человека является выдающимся событием XX века, показателем углубления понимания человеческим обществом высшей ценности каждой человеческой личности, созданной по образу и подобию Божию. Со временем становится все более ясным, насколько важным и ценным оказывается создание общественных групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Все, кому дороги свобода и достоинство человеческой личности, не могут не испытывать чувства благодарности к инициатору создания таких групп, основателю и председателю Московской Хельсинкской группы Ю.Ф. Орлову. Но отношение к Ю. Орлову, А. Гинзбургу, А. Щаранскому и другим членам Хельсинкских групп властей в нашей стране дает основание предполагать, что подписание соглашения, предусматривающего соблюдение прав человека, являлось лишь пропагандистским шагом.

Сегодня исполняется годовщина, как Ю. Орлов находится в заключении, ожидая суда за свою правозащитную деятельность. Условия содержания в Лефортовской тюрьме: полная изоляция в течение года

без единого свидания с близкими, без единого письма, без какой-либо информации, чтение лишь "отфильтрованной" КГБ литературы, общение лишь с подобранными сокамерниками и следователями КГБ – все это есть метод психологического воздействия на Ю. Орлова в попытке заставить его признать несуществующую вину. Переквалификация статьи обвинения на более жесткую показывает, что сломить Орлова не удалось.

Накануне суда мы, члены Христианского комитета защиты прав верующих в СССР, выражаем свою глубочайшую признательность Ю.Ф. Орлову за его самоотверженную деятельность в защиту человеческой личности. Мы призываем всех верующих молиться о его судьбе и принять участие в движении за его освобождение.

10 февраля 1978 г.

Члены Христианского комитета защиты прав верующих в СССР:
священник Глеб Якунин, иеродиакон Варсонофий Хайбулин, Виктор Капитанчук, Вадим Щеглов.

П. ГРИГОРЕНКО ЛИШЕН СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСТВА

ЗАЯВЛЕНИЕ П. ГРИГОРЕНКО

Генеральному Секретарю ООН

Курту Вальдхайму

Копия: Комитету прав человека ООН

Г-н Секретарь:

Из сообщений прессы мне стало известно, что Указом Президиума Верховного Совета СССР я заочно лишен советского гражданства за деятельность, наносящую ущерб престижу СССР. Обращаясь к Вам, г-н Секретарь, я учитываю, что в международном праве отсутствует процедура, допускающая в любом случае обжалование в ООН действий советских властей. Однако данный случай должен быть предметом внимания международных организаций: в момент лишения меня советского гражданства я находился с визитом в США, следовательно, СССР изгнал меня из страны без того, чтобы иметь гласное заверение какого-либо государства принять меня.

Ясно, что продолжение такой практики может породить затруднения в отношениях между государствами и что она должна быть предметом внимания ООН.

Помимо этого я обращаю Ваше внимание на то, что упомянутый акт советских властей нарушает мое право возвратиться в свою страну — право, провозглашенное Декларацией прав человека.

Я считаю недостойным для властей цивилизованной страны подвергать человека какому бы то ни было наказанию без того, чтобы не предъявить обвинения и как минимум не предоставить ему возможности ответа. Между тем, лишение меня гражданства было произведено тайно, я не был вообще официально информирован об этом и только спустя 25 дней узнал об этом из прессы.

Я хотел бы надеяться, что Ваше благосклонное внимание к этому делу поможет мне доказать советским властям, что никто не вправе лишать меня гражданства моей страны, что я

имею право возвратиться в свою страну, чтобы перед открытым судом доказывать необоснованность выдвинутых против меня обвинений.

Я не знаю, как мне подписаться, — бывший гражданин СССР, бывший генерал, бывший... И только раны, полученные в войне с фашизмом, остаются при мне.

Мой адрес в США:
P. Grigorenko
с/о KHRONIKA PRESS
505 Eighth Avenue
New York, N.Y. 10018

С уважением
Петр Григоренко

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О лишении гражданства СССР Григоренко П.Г.

Учитывая, что Григоренко П.Г. систематически совершает действия, не совместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим поведением ущерб престижу Союза ССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

На основании статьи 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года "О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик" за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР Григоренко Петра Григорьевича, 1907 года рождения, уроженца с. Борисовка Приморского района Запорожской области.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. Брежнев
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. Георгадзе

Москва, Кремль, 13 февраля 1978 г.
№ 6975 — IX.

АРЕСТОВАН ЛЕВ ЛУКЪЯНЕНКО От Украинской Хельсинкской группы

*Белградскому совещанию по оценке
выполнения Хельсинкских соглашений*

12 декабря 1977 г. в Чернигове на Украине органами КГБ арестован адвокат и журналист Левко Лукьяненко. Начиная с руководителя Группы Миколы Руденко, за тюремную решетку брошен пятый по счету член Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

”Дело № 39”, по которому арестован Левко Лукьяненко, начато еще 10 февраля 1977 г., когда был арестован М. Руденко. Материалы ”дела” — деятельность Украинской группы ”Хельсинки”, ее документы о нарушениях прав человека на Украине. В судебном приговоре Руденко и Тихого выражена официальная точка зрения властей на всю Группу в целом. Первые четыре документа охарактеризованы судом как ”антисоветские”, и таким образом каждый член Группы поставлен под угрозу заключения.

После ареста Руденко, Тихого, а затем Мариновича и Матусевича Группа выпустила еще ряд документов (последний — Меморандум № 18 — о дискриминации украинцев в праве на эмиграцию), ответственность за создание которых, возможно, будет возложена на Л. Лукьяненко. Не исключено, что органы КГБ используют для обвинения Лукьяненко и другие предлоги, в частности его заявление в Верховный Совет о выезде из СССР, или даже сфабрикованные показания о его ”антисоветских высказываниях” (о таких попытках КГБ он как раз сообщает в своем заявлении).

Только неполных два года провел Л. Лукьяненко ”на свободе” (под надзором милиции) после того, как отбыл 15 лет тюрьмы и лагерей — всего лишь за мысли и юридические рассуждения о праве Украины на самоопределение, праве, гарантированном советской Конституцией.

Повторное обвинение в "особо опасном государственном преступлении" грозит ему таким же жестоким приговором, какой уже вынесен Алексе Тихому, — 10 лет лагерей особого режима и 5 лет ссылки.

Спасти Лукьяненко от этой участи могут только немедленные, задолго до суда, действия в его защиту, в первую очередь — со стороны правительств и общественности стран, подписавших соглашения, за полное и честное выполнение которых он боролся.

18 декабря 1977 г.

Члены Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений: *О. Бердник, И. Кандыба, В. Калиниченко, О. Мешко, В. Стрельцов, Н. Строкатова.*

Поддерживаем обращение Украинской группы "Хельсинки" в защиту Лукьяненко: *А. Лавут, Т. Великанова, Н. Мейман, А. Подрабинек, свящ. Г. Якунин, Н. Горетой, Т. Осипова и др.*

ПИСЬМО ЛУКЬЯНЕНКО

*Президиуму Верховного Совета СССР
от Лукьяненко Льва Григорьевича
проживающего в городе Чернигове,
ул. Рокоссовского 41 "б", кв. 41*

Заявление

В 1961 г. меня осудили к смертной казни за то, что я со своими товарищами хотел поставить вопрос о мирном выходе Украины из состава СССР. Верховный суд УССР заменил смертную казнь 15 годами заключения в концлагерях принудительного труда строгого режима.

Отделение союзной республики от СССР не противоречит марксистской теории по национальному вопросу: выход Украинской ССР из состава СССР нельзя считать антисоветским актом, ибо право на выход провозглашено ст. 17 Конституции СССР; деятельность человека (или группы людей), направленная на использование конституционного права, не может квалифици-

роваться как преступление — это элементарные истины марксистской теории и советского права. И все-таки меня за это осудили и 15 лет мучили в неволе.

15 лет репрессивные органы пытались доказать мне, что конституционное право на выход и мое стремление есть покушение на территориальную целостность Советского Союза; а за то, что я не мог принять такое толкование закона, меня подвергали бесконечным унижениям и пыткам, вплоть до направления на проверку психического здоровья в Рыбинскую психиатрическую больницу.

Слава Богу, я вынес душу здоровой из-за решетки на волю, но воли нет и здесь.

Из рук тюремщиков меня передали под гласный надзор милиции. Состоя под надзором, я не имею права выезжать из города без разрешения милиции, с вечера до утра не имею права посещать гостиницы, кафе, бары, рестораны города и обязан каждую пятницу от 17 до 18 часов являться в милицию для регистрации. Мое жилище посещают милиционеры и дружинники. Меня проверяют на работе. Это официальный надзор. А неофициальный надзор, в результате которого органам власти известен каждый мой шаг, — где его граница? Он лишает интимности всю мою личную жизнь.

Мои письма проверяет КГБ и потом использует их для запугивания моих родственников и настраивания их против меня. Например, мое письмо к Оксане Мешко с протестом против направления В. Мороза в Институт судебно-психиатрической экспертизы им. Сербского старший лейтенант Черниговского УКГБ Деренчук показывал жене моего брата Валентине во время расследования вопроса о подписании упомянутого протеста и так запугал ее, что она даже заболела.

А "тайна" телефонных разговоров доходит до того, что, например, Ивану Кандыбе от имени моего номера отвечала милиция, издевательски заявляя, что 3-39-13 (мой номер) — это номер телефона милиции.

Цель надзора состоит в том, чтобы с помощью разных придирок поставить человека на грань суда за нарушение правил административного надзора, заставить его постоянно глядеть на часы — чтобы не опоздать в милицию или в свою квартиру, да оглядываться на каждого встречного — не доносчик ли он; и, держа его в постоянном нервном напряжении, не дать ему возможно-

сти заняться общественной деятельностью, изолировать его и постепенно поставить на колени.

Я уже немолод и когда-нибудь могу забыть про пятницу или не успею войти к себе домой до половины десятого вечера, и это послужит основой для нового продолжения надзора.

Наконец, даже без формальных оснований милиция (если КГБ сочтет это нужным) всегда найдет способ, как обосновать продолжение надзора. Где этому конец?

Конца нет. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26/7-66 об административном надзоре дает милиции право продолжать надзор каждый раз еще на шесть месяцев до погашения судимости. В соответствии с п. 8 ст. 55 УК УССР автоматически моя судимость никогда не погасится. Для ее погашения требуется решение суда. Это решение возможно в случае отказа от своего мировоззрения. Я свое мировоззрение никогда не изменю и, таким образом, до смерти останусь судимым, а значит, всегда будут законные основания для продолжения надзора, и я могу никогда не избавиться от докучливой опеки.

Перспектива такой жизни меня совсем не привлекает. В Советском Союзе нет закона о запрете на профессию, но мне (как и абсолютному большинству украинских инакомыслящих) не дали возможности работать по специальности и заставили зарабатывать себе на хлеб в самой примитивной среде.

Из своих 50 лет я свыше 8 лет прожил в вашей военной казарме, 15 лет в концлагерных бараках да тюремных камерах и вот уже второй год живу под домашним арестом.

Я люблю Украину больше собственной жизни, и когда заработал первый после освобождения из заключения 18-дневный отпуск, то захотел съездить в Канев поклониться Тарасу и посетить киевские музеи, но мне не разрешили — чтобы я не мог там встретиться с другими диссидентами.

Я попросил тогда разрешить мне съездить в Тростянец и Качановку, чтобы полюбоваться природой знаменитых дендропарков и немного расширить знание родного края, но мне снова не разрешили, хотя в этих местах я не знаю ни одного инакомыслящего и о встречах такого рода не могло быть и речи. Когда я приехал в Дружковку на суд и хотел на завтра побыть на процессе моих побратимов и поговорить с их родственниками, меня утром два милиционера "пригласили" в местную милицию и

продержали там до 11 часов, а потом повезли в Краматорск и посадили прямо в поезд.

Таким образом, ни знакомых людей, ни природы родного края мне видеть не дозволено.

И это называется жизнью?! И это будет продолжаться до самой смерти?

Нет, судя по последним событиям, КГБ готовит мне другое будущее: пресвитера черниговской баптистской общины (куда я однажды зашел) Чернуху Владимира Михайловича два офицера Черниговского КГБ в течение 6 часов заставляли подписать бумагу, в которой мне приписывались такие высказывания, каких я там совсем не говорил.

Несомненно, если КГБ возьмется фабриковать и приписывать мне разные антисоветские высказывания, то он сумеет это сделать: если он захочет снова меня загнать за решетку, он также способен это сделать. Он вообще способен сделать все, кроме одного — убедить меня в моей неправоте, ибо я прав, как прав Тарас Шевченко, как прав Иван Франко, как прав Валентин Мороз.

Перспектива всю жизнь работать электриком и осматривать родной край только в пределах одного г. Чернигова, а тем более новое заключение меня не удовлетворяют, и я

прошу разрешить мне выехать из Советского Союза для проживания за его пределами.

24 августа 1977 г.

/подпись/

Адрес: г. Чернигов
ул. Рокоссовского 41 "б", кв. 41
Лукьяненко Левко Григорьевич

Справка

Лев Григорьевич Лукьяненко родился 24 августа 1927 г. В 1944-53 гг. служил в армии. В 1953-58 гг. учился на юридическом факультете Московского университета. В 1958-1960 гг. работал в Западной Украине адвокатом. Был членом КПСС. 21 января 1961 г. арестован вместе с Иваном Кандыбой, также юристом, за попытку создать марксистскую группу, выдвигавшую (для обсуждения) вопрос о выходе Украины из СССР. По обвинению в "измене Родине" был приговорен к расстрелу. Верховный суд УССР заменил приговор на 15 лет лагерей строгого режима. Часть срока заключения провел во Владимирской тюрьме. После освобождения поселился в Чернигове и жил под гласным административным надзором, работал электриком. В ноябре 1976 г. вошел в созданную тогда Украинскую группу "Хельсинки". Несколько раз подвергался обыскам. После ареста Руденко и Тихого был привлечен к их процессу в качестве свидетеля. 12 декабря 1977 г. арестован.

В ЗАЩИТУ ЗИНОВЬЕВА (Документ Хельсинкской группы № 33)

Александр Зиновьев — доктор наук, профессор философии по разделу математической логики, член Финской Академии наук, автор многих известных научных трудов.

В сентябре 1976 г. в Швейцарии была издана его художественно-философская книга "Зияющие высоты", получившая широкую известность за рубежом и уже переведенная на ряд европейских языков. Книга эта удостоена в декабре 1977 г. литературной премии в Швейцарии.

Вскоре после выхода этой книги, 19 января 1977 г., Александр Зиновьев был уволен с работы старшего научного сотрудника Института философии Академии наук СССР, а затем лишен всех своих ученых степеней и званий (решение Ученого совета Института, утвержденное ВАКом).

Участник Великой Отечественной войны, бывший военный летчик, лишен боевых орденов и медалей, о чем ему не выдан, но зачитан соответствующий Указ.

У А. Зиновьева незаконно отключен телефон, корреспонденция его перехватывается. Всякая возможность контактов с зарубежными учеными исключена. На родственников и друзей Зиновьева оказывается систематическое давление с целью изолировать его от близких людей. Милиция и райсовет вызывают его для объяснений, "как уклоняющегося от трудовой деятельности".

Комитет государственной безопасности четырежды вызывал Зиновьева на допросы (в том числе один раз — с насильственным приводом).

Александр Зиновьев получил приглашение от Мюнхенского университета прочесть курс математической логики. 16 мая 1977 г. Зиновьев подал в ОВИР заявление с просьбой разрешить ему выезд в Федеративную Республику Германии для прочтения курса лекций. Через семь месяцев, 25/1-78 г., он получил устный немотивированный отказ.

Таким образом:

1. Александра Зиновьева преследуют, лишают работы и средств к существованию не за какие-либо действия, а за мысль. За независимую, нерегламентированную, не подчиненную диктату мысль, за свой собственный философский взгляд на вещи и явления.

2. Александру Зиновьеву не разрешают поездку за границу для научной работы, нарушая этим соглашение о научных контактах, хотя, работая в области философии и математической логики, он не владеет никакими государственными тайнами.

Имя А. Зиновьева широко известно на Западе. Его трагическая судьба не может не волновать людей доброй воли. Но мы должны отметить, что нарушения прав человека, допущенные по отношению к Зиновьеву, типичны для СССР и подобным преследованиям подвергаются многие.

Февраль 1978 г.

*Е. Боннэр, С. Каллистратова, Н. Мейман, В. Некипелов,
Т. Осипова, В. Слепак.*

34302

S2 143

В СССР ОРГАНИЗОВАН НЕЗАВИСИМЫЙ ПРОФСОЮЗ

УСТАВ

ассоциации свободного профсоюза трудящихся в Советском Союзе

Действительный с 1-го января 1978 года по 1 января 1979 года.

Раздел первый: Члены ассоциации свободного профсоюза трудящихся в Советском Союзе

1. Членом ассоциации свободного профсоюза трудящихся может быть каждый рабочий и служащий, чьи права и интересы противозаконно ущемляются административными, советскими, партийными и судебными органами.

2. Член ассоциации свободного профсоюза имеет право:

а) свободно обсуждать всю деятельность ассоциации, вносить предложения, открыто высказывать и отстаивать свое мнение до принятия ассоциацией свободного профсоюза решения;

б) лично участвовать в заседаниях, когда рассматривается вопрос о его деятельности или поведении;

в) вести неустанную борьбу за мир и дружбу между народами;

г) повышать политическую сознательность;

д) соблюдать Устав ассоциации свободного профсоюза;

е) выполнять общественные поручения ассоциации.

3. Член ассоциации имеет следующие преимущества:

а) получает правильную юридическую помощь;

б) получает моральную и материальную помощь в пределах возможности;

в) получает помощь в поисках жилья, если имеется такая возможность, оказывает помощь своим товарищам.

4. Прием в члены ассоциации свободного профсоюза производится по личному желанию с предварительным недельным обдумыванием, исходя из условий последствий за вступление в ассоциацию.

5. Решение о приеме в члены выносится собранием.

Раздел второй: Организационное строение ассоц. ции свободного профсоюза трудящихся

6. Строятся на основах демократического централизма, что означает:

а) все снизу доверху избираются членами и перед ними отчитываются;

б) решают все вопросы ассоциации в соответствии с Уставом;

в) решения принимаются большинством голосов.

7. Свободное и деловое обсуждение вопросов работы ассоциации профсоюза является важным принципом внутрипрофсоюзной демократии. На основе внутрипрофсоюзной демократии развивается критика и самокритика, активность и инициатива членов, укрепляется деловая и сознательная дисциплина.

8. Основой ассоциации свободного профсоюза является ассоциация членов, возникшая на базе "сорока трех".

9. Задачами ассоциации свободного профсоюза является:

а) выполнение обязательств по коллективному договору;

б) вовлечение рабочих и служащих в члены ассоциации свободных профсоюзов;

в) проведение в жизнь решений ассоциации по защите прав и поисков справедливости;

г) воспитание членов ассоциации в духе непримиримого отношения к недостаткам, к проявлениям бюрократизма и очковтирательству, бесхозяйственности и расточительства, нерадивого отношения к народному добру.

Раздел третий: Средства ассоциации свободного профсоюза

10. Средства ассоциации свободного профсоюза будут состоять:

а) из ежемесячных членских взносов, по силе возможности, от неработающих;

б) не более одного процента из заработной платы работающих, но не ограничивать добровольных пожертвований;

в) от поступлений нечленов ассоциации свободного профсоюза за оказания услуг юридического характера, печатания жалоб и составления таковых, но не более государственного тарифа;

г) поступления материальной помощи от зарубежных профессиональных профсоюзных организаций.

**Раздел четвертый: О правах ассоциации свободного профсоюза
как юридического лица**

11. Ассоциация свободного профсоюза трудящихся в Советском Союзе является юридическим лицом.

Как только ассоциация свободных профсоюзов трудящихся в Советском Союзе будет признана организацией МОТ или профессиональными профсоюзами зарубежных стран, будет получать моральную и материальную поддержку, приступить к новому пересмотру УСТАВА с учетом условий особого положения трудящихся нашей страны, но не ранее годичного существования.

**Совет членов "сорока трех" свободного профсоюза
трудящихся в Советском Союзе**

г. Москва

1 февраля 1978 г.

МАРЧЕНКО О ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧИХ *

Уважаемые участники съезда!

Я узнал по зарубежному радио, что приглашен вами в качестве гостя. Благодарю вас за приглашение. Я не смог его реализовать, так как даже не получил его. Один из приглашенных вместе со мной — Владимир Борисов — имел приглашение, но не получил выездной визы. Ему сказали, что он "никого не представляет".

Недавно у вас в США побывали наши граждане, приглашенные американским Национальным комитетом профсоюзных действий за демократию. У них вначале были сложности с визой на въезд в США, но разрешение советских властей на выезд они получили беспрепятственно. Кого же они представляют? Metallургов, учителей, вообще широкие профсоюзные массы? Нет, они являются глазами, ушами и рупором нашей государственной власти.

Они сообщили нам о бедственном положении одной работницы-негритянки; о том, что американские учителя бьют детей, а некоторые выпускники американской школы не умеют читать; о том, что в американской шахте плохая техника безопасности и что американские рабочие дружелюбно относятся к СССР. Вот и все их впечатления от двухнедельной поездки по США.

Сколько зарабатывает эта бедная женщина, что она может купить на свой заработок? Учатся ли ее пятеро детей, на какие средства она их лечит? Где, как, в каких школах учила Америка своих ученых, год за годом забирающих почти все Нобелевские премии, — уж не малограмотны ли они? Каков же травматизм на американской шахте? Ничего конкретного, только общая мрачная картина.

Если бы Семенова была у вас не как представитель, она, возможно, поделилась бы с вашими учителями тем, что и в нашей школе низок общий образовательный уровень, — я знаю немало малограмотных людей, недавно окончивших наши школы. А

* Письмо американским профсоюзам в ответ на приглашение прибыть в США.

шахтер Гаценко, может быть, рассказал бы о систематической у нас практике, когда производственные травмы не регистрируются, чтобы не портить статистику и не лишать премии цех или бригаду. Но наши представители, судя по газетному отчету, не увидели ни одного положительного примера в жизни трудовой Америки, а вас обогатили информацией лишь о том, что мы ходим в ботинках и что наши женщины пользуются косметикой.

Репортаж об их поездке публикуется под рубрикой "Летопись разрядки" — вероятно, имеется в виду, что теперь вы и мы, американские и советские трудящиеся, лучше знаем друг друга. Но то же самое об Америке мы читали и тридцать лет назад, в худшие годы холодной войны.

Если бы я мог посетить Америку, я не только продемонстрировал бы свои ботинки, но и сообщил бы, что уплатил за них пятую часть зарплаты. Я рассказал бы, каково у нас содержание понятия "всеобщая занятость" и что кроме косметики заботит трудящихся. При этом я опирался бы на недавний собственный опыт работы на лесозаготовительном комбинате в сибирском поселке Чуна. Этот опыт достаточно характерен для нашей системы производства и не противоречит официальной статистике.

Я не смог приехать к вам не по вашей и не по своей вине. Хотелось бы, чтобы мое короткое выступление все же прозвучало на вашем съезде. Итак, о жизни рабочих в сибирском поселке Чуна. Я не берусь, конечно, охватить все стороны этой жизни, коснусь только трех вопросов.

Средний заработок наших рабочих приблизительно на уровне официального среднего заработка по стране, т. е. рублей 160 в месяц. Как рабочему достаются эти деньги? В сушильном отделении сортировка и укладка досок производятся только вручную. На этой работе заняты в основном женщины. С лесозавода поступают сырые доски длиной 5 м, толщина их от 19 до 60 мм. Нормы выработки на человека (будь то мужчина или женщина) — от 10 до 17 кубометров в смену, расценки — от 23 до 42 копеек за куб. Таким образом, за смену рабочий зарабатывает не более 4 рублей или не более 120 рублей в месяц. К ним добавляется "коэффициент за дальность" — 20% от заработка; при перевыполнении плана (выработке более 400 кубов в месяц на человека) платят премиальные. Вот все это кое-как дотя-

гивает до рублей 160 в месяц. Эта оплата не является гарантированной. Во-первых, из-за плохой организации труда выполнение плана совсем не зависит от самого рабочего. Во-вторых, премиальные начисляют лишь при выполнении месячного плана всем отделением или цехом, а не каждому рабочему. А отделение может не выполнить план по тысяче причин, тоже не зависящих от рабочего. Чтобы выполнить план и получить премиальные, в конце месяца приходится работать не установленные законом 7-8 часов, а две смены подряд и даже в выходные дни. Эти часы не регистрируются и не оплачиваются как сверхурочные. Руководство профсоюза вместе с администрацией организует эти незаконные дополнительные рабочие смены. Так происходит потому, что профсоюз охраняет не интересы рабочих, а интересы государства, и выполнение плана — главный показатель его работы.

Я не захотел выходить на дополнительные смены — и меня по решению профкома и завкома уволили с завода "за нарушение трудовой дисциплины".

Рабочие сушилки работают в любую погоду под открытым небом, т. е. зимой при морозах ниже сорока градусов. За работу на морозе законом предусмотрена дополнительная плата — т. наз. "морозный коэффициент". Но у нас их не платят — с ведома и согласия профсоюза.

Нередко вес досок превышает установленный для женщин или подростков предел тяжести. Подростков ставят работать в паре со взрослыми, т. е. наравне с ними. Я отказался работать с подростком, и начальник цеха в наказание перевел меня на другую работу.

В поселке много приезжих, например, с Украины; дорога туда и обратно занимает 12-14 дней. Оплаченный отпуск у большинства рабочих завода — 15 рабочих дней. Родственники годами не могут повидаться.

Весь завод, кроме сушилки, работает в две смены. На двухсменной работе оказываются и женщины, имеющие маленьких детей (а таких на заводе очень много). Все детские сады и ясли в Чуне — только дневные. Чтобы не оставлять детей одних, супруги устраиваются работать в разные смены; видятся они только по выходным. Еще хуже матерям-одиночкам: они вынуждены оставлять вечерами маленьких детей совсем без присмотра.

Моя знакомая рассказывает, что ее дети (семи и десяти лет) не спят, пока она не вернется со второй смены, т. е. до двух часов ночи.

Женщины идут на эти условия труда, так как семья не может прожить на один средний заработок (кстати, наша статистика умалчивает о прожиточном минимуме в стране).

Можно ли семье прожить на 160 рублей в месяц? На эти деньги можно купить: полтора приличных костюма; или одну треть черно-белого телевизора; или один билет на самолет от Чуны до Москвы и обратно; или два колеса к малолитражному автомобилю "Москвич"; или 3-5 детских шубок.

Килограмм мяса в магазине стоит 2 рубля; килограмм сушеных фруктов для компота 1 р. 60 к.; молоко — 28 к. за литр; яйца — от 90 к. до 1 р. 30 к. десяток; сливочное масло — 3 р. 60 к. Но в магазинах чаще всего ничего этого нет. Если удастся купить что-нибудь у частника, то надо переплачивать почти вдвое: килограмм свинины — 4 р., молоко — 40 к. литр.

Исходя из этого, вы сами можете определить, какую часть прожиточного минимума семьи составляет наш средний заработок. У нас нет безработицы, но средний заработок работающего человека, вероятно, меньше, чем у вас — пособие по безработице.

Считается, что у нас самое дешевое в мире жилье: квартплата составляет восьмую-десятую часть среднего заработка. Мой знакомый платит за квартиру 17 р. в месяц. Он с женой, две работающие дочери и сын-старшеклассник живут в квартире из двух смежных комнат (16 и 12 кв. м) с крохотным — едва протиснуться — коридорчиком, такой же кухонькой и совмещенным санузлом. Их многоквартирный дом имеет удобства: центральное отопление, электроплиту на кухне, горячую и холодную воду и канализацию. Это максимум известных у нас удобств.

В таких домах живет приблизительно четверть чунского населения. Половина двухэтажных шестнадцатиквартирных домов не имеет никаких удобств: общие уборные в виде холодных дощатых будок во дворе, вода — в уличной колонке, печное отопление. Отдельные жители поселка живут в собственных или казенных домиках, тоже, конечно, без всяких удобств, часто и вода не в колонке, а в колодце с ручным воротом, за несколько сот метров от дома. У нас нет определения, какое жилище считается трущобой, непригодной для обитания. Раз люди там живут—

значит, годится. Такое жилье обеспечено нам и в двадцать первом веке: "В десятой пятилетке планируется ввести в эксплуатацию... более 60% благоустроенного жилья с отоплением, водопроводом, канализацией". Это из доклада председателя Чунского райисполкома Г.М. Кривенко на восьмой сессии райсовета. ("Коммунистический путь" 28 августа 77 г.)

Значит, остальные 40% так и будут пользоваться дощатой уборной на 40-градусном морозе.

Неизвестно, какая часть нашего народа обеспечена хотя бы таким жильем. В Чуне семьи ждут квартиры годами — а пока снимают у частников что придется: летнюю кухню во дворе, баню, комнату или угол в комнате вместе с хозяевами. И плата тут вовсе не символическая: за комнатку в 6 кв. м платят 10 р.; а в Москве плата за квартиру из одной комнаты доходит до 50-60 рублей в месяц.

Все граждане у нас имеют равные права — в том числе и на жизненные блага. Но вот недавно из статьи первого секретаря Минского горкома КПСС Бартошевича я узнал, что среди равных есть самые равные, кому эти блага принадлежат в первую очередь. На практике я это и так знаю. Каждый день я прохожу по улице Щорса. По одной стороне улицы — современные особняки с большими окнами, конечно, со всеми удобствами и с телефоном. В них живет районное и заводское начальство, и у них не по пять метров жилья на человека, как у моего знакомого шофера. Жители противоположной стороны улицы везут саночки с бидонами к ближней колонке, и каждый двор там украшен коллективным сортиром. Видно, канализационных и водопроводных труб на всех не хватило.

Если кто-нибудь из особенно равных захворает — лечение ему обеспечено, но тоже особенное. Будет и место в отдельной палате, и дефицитные лекарства, и питание не на полтинник в день, как для любого рядового больного.

Они разве только понаслышке знают, есть ли в магазинах мясо или молоко. Все нужное им доставляют на дом, и для них всегда все есть, от продуктов до книг.

Таким образом, принцип оплаты по труду превратился в принцип распределения по услугам государству, по месту в государственной иерархии. Иерархичность пронизывает все наше общество. При постоянной нехватке самого необходимого этот

принцип доходит до смешного. В нашем поселке существует еще несколько систем снабжения кроме снабжения начальства. Лесорубам продают полушубки, а остальным жителям сибирского поселка — только если останутся. Сегодня в магазин для работников БАМа привезли яйца; заводским рабочим выдают только тушенку — выдают прямо на заводе, чтобы не словчили получить посторонние. Пенсионеры не получают ни того ни другого.

Полушубок можно заменить телогрейкой, но ребенку яйцо картошкой не заменишь.

В женском общежитии на БАМе "нет самого необходимого: кухонного стола, ковриков над кроватями, шкафа для белья. Спят девчата, укрывшись одеялами без пододеяльников. Их, оказывается, не только в этом, но и в других общежитиях нет, если не считать нескольких комплектов.

— Их мы выдаем лишь примерным жильцам. Тем, кто хорошо себя ведет, — пояснил начальник ЖКО А.Я. Остролуцкий".

Последний пример я взял из районной газеты "Коммунистический путь" от 7 мая 1977 г.

Итак, принцип иерархического распределения благ распространяется на все: от простынь до коттеджей с туалетной бумагой*.

Я могу понять тех американцев, которые не удовлетворены политическим, социальным или даже экономическим положением в своей стране. Я сочувствую их стремлению к лучшей жизни. Но когда я читаю восторженные корреспонденции ваших соотечественников о моей стране — мне хочется обратиться к ним со словами из нашей современной песни: "Если это вам завидно, можете прийти и рядом сесть". Рядом с моей печкой, рядом — на кровати без простыни, рядом — в общественном сортире (желательно зимой).

* Такое положение трудящегося населения нашей огромной страны возможно лишь потому, что мы совершенно неправы в своем доме. В СССР администрация, профсоюз, органы власти и репрессивные органы — все это звенья одной цепи, прочно сковывающей наш народ. Все организации, включая церковь, подконтрольны небольшой группе правителей и подчинены ей. Пусть опыт наших 60 лет послужит предостережением другим народам.

Я приглашаю к себе в гости в Чуну господ Майка Дзвидова, Геса Хола и кого угодно еще вместе с их семьями. Если они согласятся, я буду оформлять для них официальное приглашение. Я приглашаю также любого делегата вашего съезда, кто согласен посетить меня, и прошу вас сообщить мне его имя для оформления официального приглашения.

Прошу принять мое приветствие съезду и пожелать вам всем успешной деятельности на благо американских трудящихся, во имя дальнейшего процветания Соединенных Штатов.

Пос. Чуна Иркутской обл., ул. Чапаева, д. 18.

1 декабря 1977 г.

Марченко А.

О НАРУШЕНИЯХ ПОЧТОВОЙ И ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ (Документ № 25 Хельсинкской группы)

В мае 1976 г. Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР уже сообщала мировой общественности о нарушениях контактов между людьми в сфере международной почтовой и телефонной связи (Документ № 2).

Положение в этой области за последующий период еще более осложнилось, что заставляет нас вновь вернуться к данному вопросу.

Власти СССР продолжают нарушать международные обязательства и внутренние законы в области контактов между людьми и свободного обмена информацией. В настоящем документе мы (как и в Документе № 2) коснемся лишь небольшого круга вопросов из этой области, а именно — почтово-телеграфно-телефонной связи между людьми.

Значительная часть почтово-телефонных отправок, присылаемых в СССР и отсылаемых гражданами СССР за границу, не доходит до адресатов. Как показывает практика, в первую очередь "исчезают" самые информативные отправления (письма), что дает основание считать, что какая-то часть этих писем перлюстрируется, что является грубым нарушением ст. 56 Конституции СССР (см. Приложение № 2).

Это в первую очередь касается корреспонденции инакомыслящих: правозащитников, евреев и немцев — отказников, представителей "неофициальных религиозных групп" и т. п.

Примеров этому можно привести множество. Так, например, Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР рассылала копии своих документов в посольства стран — участниц Хельсинкского совещания: ни одно уведомление о вручении не было получено. Братья Исай и Григорий Гольдштейны из Тбилиси подали в суд на почтовую службу, т. к. почта отказалась им вышлатить, в соответствии с Международной почтовой конвенцией, компенсацию за десятки недоставленных писем. В иске им было отказано без объяснения причин.

В СССР корреспонденция в иностранные посольства и из них приравнивается к международной и проходит через Международный почтамт в Москве.

Пашнин Евгений с мая 1977 г. не может добиться рассмотрения в Воркутинском городском суде Коми АССР дела о взыскании 108 рублей за недоставленные адресатам и якобы утерянные 8 писем в Израиль и 1 письмо в США.

Во время голодовки семьи Владимира Слепака (апрель-май 1975 г.) только из США им было выслано около 5 тысяч телеграмм. Получили... одну. Более 300 писем, посланных Нийоле Садунайте из Англии, верну-

лось к отправителям. Из более чем 1 000 писем Галине Саловой и нескольких сотен писем Крониду Любарскому, посланных организацией "Эмнисти Интернейшнл", не было доставлено ни одно.

То же самое происходит с бандеролями и посылками, присылаемыми родными и знакомыми из Израиля, США, Англии и других стран. Особо следует отметить факты недоставки приглашений (вызовов) из Израиля.

Многие ждут получения вызова по году и более, хотя родные им сообщают, что выслали вызовы несколько раз. Помимо недоставления корреспонденции бывают случаи, когда в телеграфном отделении отказываются принимать телеграммы. Так, например, один из верующих христиан-пятидесятников города Находки Приморского края сообщил, что 20 декабря 1977 г. в почтамте им была подана телеграмма президенту Картеру следующего содержания:

Поздравляем Вас с Рождеством Христовым. Слава Богу, на земле мир, в человеках благоволение... Желаем здоровья и успеха в Ваших усилиях в защите Прав Человека. Просим Вас и весь американский народ совершить молитву в День Рождества за тех, кто не имеет свободы вероисповедания.

Церковь христиан-пятидесятников города Находки

21 декабря Перчаткина вызвали в почтамт, и человек, представившийся как работник почтамта, вернул ему деньги и заявил, что телеграмма не может быть принята, так как порочит советский государственный строй.

Практика выключения телефонов началась в мае 1972 г., накануне первого визита президента Никсона в СССР. В то время было выключено 12 телефонов у активистов борьбы за право евреев репатрироваться в Израиль. В ответ на запросы владельцы выключенных телефонов получали "уклончивые" устные ответы типа: "повреждение кабеля", "неисправность линии" и т. п. 31 августа того же года, пытаясь придать вид законности фактам выключения телефонов, Совет Министров СССР издал постановление о дополнении ст. 74 Устава связи СССР абзацем, запрещающим "использование телефонной связи ... в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку" (см. Приложение № 3). Это постановление и находится в явном противоречии со ст. 56 Конституции СССР (см. Приложение № 2), ибо как можно определить, используется ли телефон "в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку", обеспечивая тайну телефонных переговоров? Более того, это дополнение к ст. 74 Устава связи СССР является прямым и официальным признанием факта подслушивания телефонных разговоров в Советском Союзе. При этом в законе не установлено, какой орган власти имеет право решать вопрос о том, противоречит ли тот или иной разговор "государственным интересам". Выключение телефонов производится соответствующим узлом связи, явно правомочным решать подобные вопросы. После дополнения ст. 74 Устава связи СССР буквально началась "охота" на телефоны. Стоило лишь 1-2 раза поговорить с кем-либо из-за рубежа и упомянуть о нарушении прав

или незаконных действиях советских органов, как телефон отключался. Отключался он и в тех случаях, когда кто-либо из другого города сообщал о произволе местных властей и даже если разговоры происходили внутри города. В последнее время дошло до того, что стали выключать не "за разговоры", а исходя из того, кому он принадлежит или кто туда звонит. Не гнушаются и выключением общих телефонов в коммунальных квартирах. При запросах дается стереотипное устное (по телефону) объяснение: "Телефон выключен в соответствии с п. 74 Устава связи СССР". (Список выключенных телефонов приведен в приложении.) Добиться какого-либо письменного объяснения или обжаловать эти действия — невозможно. Так, например, Ирина Жолковская-Гинзбург отправила 10 писем в различные организации: районный телефонный узел, городской телефонный узел, Министерство связи СССР, Президиум Верховного Совета СССР. Все ее письма, судя по уведомлениям о вручении, доставлены адресатам, но ни на одно из них она не получила ответа. Все попытки владельцев выключенных телефонов добиться судебного разрешения спора с узлами связи оказываются тщетными, т. к. суды даже не принимают эти дела к рассмотрению.

В тех случаях, когда активиста правозащитного, эмиграционного или религиозного движения вызывают на переговорный пункт, обычно или уведомление приносится после назначенного времени разговора, или, если человек приходит вовремя, разговора, как правило, не дают. При этом ему говорят, что вызова нет, а вызываемому говорят, что вызываемый не явился. Если все же разговор состоится, то после первых же "крамольных" фраз разговор прерывается или включается заглушающий сигнал. Все приведенное показывает, насколько советские власти сопротивляются обмену информацией с Западом, насколько они стараются, нарушая международные соглашения и свои собственные законы, сохранить разваливающиеся остатки железного занавеса.

Кроме того, советские власти всякими незаконными, но доступными госаппарату средствами стараются затруднить получение группами содействия выполнению Хельсинкских соглашений, отделением "Эмнисти Интернейшнл" и активистами движения евреев за репатриацию в Израиль информации о нарушениях прав человека местными властями на периферии.

Мы обращаемся к участникам Белградского совещания с просьбой не допустить, чтобы практика удушения свободного обмена информацией восторжествовала в Советском Союзе, как бы горячо ни убеждала советская делегация в Белграде, что это — "внутреннее дело" Советского Союза, не допускающее вмешательства извне.

Приложения:

1. Список выключенных телефонов *(здесь не приводится — Ред.)*.
2. Статья 56 Конституции СССР.
3. Постановление Совета Министров СССР от 31 августа 1972 г.

2 февраля 1978 г.

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Наум Мейман, Виктор Некипелов, Татьяна Осипова, Владимир Слепак.

Конституция СССР

Статья 56. Личная жизнь граждан, тайна переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений охраняются законом.

Постановление Совета Министров СССР

О дополнении статьи 74 Устава Связи Союза ССР

Совет Министров Союза ССР постановляет:

Дополнить статью 74 Устава Связи Союза ССР, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 27 мая 1971 г. № 316 (СП СССР 1971, 110, ст. 83), после первого абзаца абзацем следующего содержания:

“Запрещается использование телефонной связи (междугородной, городской и сельской) в целях, противоречащих государственным интересам и общественному порядку”.

Председатель Совета Министров СССР

А. Косыгин

Зам. Управляющего Делами Совета Министров СССР

К. Селиванов

Москва, Кремль

31 августа 1972 г.

№ 655

О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ТАДЖИКСКИХ ГОРЦЕВ*

В 60-х годах руководство КП Таджикистана взяло "повышенное обязательство" по сдаче хлопка. Удачные урожаи и несовершенство уборочной техники привели к невозможности сбора выращенного хлопка. Тогда, по-видимому, на "высшем" уровне было принято решение о насильственном переселении в долину всех ягнобцев (одна из этнических групп таджикского народа) и других жителей высокогорных районов, где хлопок не растет.

Район выселения в основном приходится на верхнее и среднее течение р. Ягноб, впадающей в Зеравшан (на север от Душанбе, между Гиссарским и Зеравшанским хребтами). Эта область была населена почти исключительно ягнобцами, которые, хотя внешне и не отличаются от остальных таджиков (разве что несколько меньшей монголоидностью черт по сравнению с жителями равнины), но говорят на существенно ином языке. Специалисты считают, что этот малоизученный язык, принадлежащий, как и таджикский, к иранской группе, является современным вариантом древнего согдийского. Во время арабского завоевания в VII веке лишь горное население сумело сохранить в относительной неприкосновенности свой язык и обычаи. Тем не менее нынешние ягнобцы, как правило, понимают таджикский и на своем языке общаются лишь с соплеменниками. Школ, газет, радиовещания на ягнобском не было и нет.

Никакой юридический документ об обязательном переселении не опубликован. Критерий для ликвидации того или иного кишлака не был единым. В отдельных местах называлась предельная высота над уровнем моря (по состоянию на 1967 г. в Таджикистане 4% населения живет на высоте более 2000 м), в других — численность населения. Нередко решение зависело от того, откуда родом глава местной администрации (сельсовета, райкома КП), который не желал "обижать" односельчан.

Первоначально соблюдалась видимость добровольности. В некоторых кишлаках провели собрания, на которых уговаривали переезжать добром. Среди "аргументов" был и такой: "Долина — родина наших предков, откуда они были изгнаны в древности кочевниками". В книге "Советский Союз. Географическое описание. Таджикистан", Москва, издательство "Мысль", 1968, с. 57 сказано: "Сюда (в долину), на родину своих предков, переселяются тысячи таджиков-горцев".

Выдвигались и следующие мотивы: 1) оторванность не позволяет развивать культуру (но ягнобцы до тех пор пытались противостоять ассимиляции с остальными таджиками), 2) малочисленность школьных

* Вопреки обычным стандартам "Хроника защиты" этот материал публикует без надлежащей проверки; редакция надеется, что именно такая публикация поможет получить необходимые материалы для проверки от других авторов.

классов в мелких кишлаках (но учителя чаще всего не знают ягнобского, а дети — таджикского), 3) трудности с медицинской помощью (см. ниже), 4) сложность доставки избирателей к месту голосования при "выборах" (но, судя по газетам, число участвовавших и так всегда близко к максимуму возможного), 5) низкая продуктивность традиционных для горцев скотоводства и террасного земледелия (но из горных кишлаков на рынки Таджикистана всегда поступало много больше 50% всего мяса, почти весь ячмень и шерсть и т. п.). Лежащая в верхнем течении р. Ягноб высокогорная котловина Гупьбас славится своими альпийскими лугами, пастбищами и сенокосами, позволявшими горцам отлично удовлетворять свои потребности. Но оторванность действительно препятствовала коллективизации и эффективному взиманию налогов.

Когда добровольное переселение (его попытки не были повсеместными) не удалось, власти изменили тактику. Усиленные наряды милиции являлись в кишлаки и разрушали веками строившуюся систему арыков, без которых здесь жизнь невозможна. Затем, врываясь в дома, рубили опорный, обычно изукрашенный резьбой столб кровли, стропила, двери (строительный лес в высокогорье дорог).

К кишлакам, доступным по дороге, подгоняли специально выделенные грузовики с шоферами — уроженцами других мест. На машины, применяя силу, грузили жителей с детьми, забрасывали скарб. Скот затем частично погиб, частично был расхищен или стал "собственностью" ниже-расположенных колхозов. К некоторым труднодоступным кишлакам заранее подвели дорогу только затем, чтобы вывезти жителей. (Ныне такие дороги заброшены и пришли в негодность.)

Сведений о вооруженном сопротивлении в момент выселения нет. Доподлинны случаи бегства в горы молодых мужчин, которые в течение нескольких лет затем жили охотой, угоном скота или тайной помощью населения оставшихся кишлаков. Зимой, когда дороги закрыты и милиции нет, они могли временно возвращаться в полуобвалившиеся жилища. Демобилизованные из армии не допускались в родные места.

Общая численность выселенных, по-видимому, составляла много десятков тысяч человек.

В долинах для принуд. переселенцев были построены поселки из кое-как сколоченных хижин. Привычное средство к существованию — разведение овец — здесь невозможно.

В горах близость к педникам и ультрафиолетовая радиация делают воду практически стерильной. В долине же, где арык традиционно и источник для питья, и "прачечная", и "баня", а иногда и "канализация", у "новоселов", лишенных какого-либо иммунитета, началась повальная дизентерия. За ней последовали дифтерит и туберкулез.

Топить печи каменным углем вместо привычного валежника переселенцев никто не научил. Кроме того, тонна угля стоила 75-80 руб., и не у всех привыкших к натуральному хозяйству горцев были деньги, чтобы запастись топливом на зиму.

Смертность, особенно среди детей и стариков, достигла сотен в неделю. В обычно многодетных таджикских семьях теперь среди переселен-

цев почти полностью отсутствуют дети двух-трех возрастов. Уже отнятые от материнской груди, но не достигшие к моменту переселения 5-летнего возраста умерли почти поголовно, как и лица старше 60-и лет, жаловавшиеся на атмосферное давление, петнюю жару и "плохую" воду в долине. Сельский фельдшер описывает случай сумасшествия молодой матери, потерявшей за несколько дней троих детей (муж служил в армии). Медицинская помощь, "ради которой" производили переселение, с эпидемией справиться как следует не смогла, пока она не утасла сама собой. При засекреченной статистике называют различное число жертв, но даже самые скромные оценки близки к 10 тыс. человек.

Ныне "кампания" выселения миновала, но официального разрешения вернуться нет. Часть переселенцев примирилась с новым положением. Часть не имеет сил и средств к обратному переезду, тем более что милиция временами силой этому препятствует. В некоторых кишлаках летом (кое-где зимой) живет по 2-3 семьи (чаще старики с приехавшими на сенокос отпусниками). Они ютятся среди 60-80 (иногда и 150) обрушившихся домов своих предков. Условия их жизни близки к каменному веку.

Отопление в домах — "по-черному" или "каминное", с открытым огнем. Кизячьи лепешки сушатся на сланцевых или глиняных стенах жилищ, дети облеплены мухами.

Электричество, почтовое и медицинское обслуживание не существуют. При появлении русских женщины и дети прячутся, мужчины общаются крайне неохотно, что резко контрастирует с невероятным для горожанина гостеприимством остальных таджиков.

О прежней величине и древности подобных "бывших кишлаков" (на картах их названиям иногда предшествует слово "разв.", т. е. "развалины") свидетельствуют также очень крупные кладбища (население традиционно сберегает их). Примерами таких мертвых селений могут быть хотя бы Руфигар и Норвабад на Ягнобе (не путать с сохранившимся "нижним" Новобадом на р. Сурхоб).

Есть несколько безлюдных "руин" бывших сельсоветов с обсаженной пирамидальными тополями мертвой улицей, развалинами административного здания, больницы, метеостанции и т. п.

Повсеместны заброшенные поля, огражденные камнями, которые раньше сносили сюда поколения земледельцев, засохшие плодовые деревья, обезвоженные арыки, тянущиеся на многие километры.

В отдельных местах власти теперь смотрят сквозь пальцы на возвращение нескольких семей при условии, что они обязуются восстанавливать мосты или отрезок горной тропы. Члены таких семей утверждают, что очень многие (во всяком случае ягнобцы) по-прежнему считают горы своей родиной и мечтают вернуться сюда...

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕПАТРИАЦИИ

Глава I. Правовые основы репатриации

Советское законодательство (Конституция, в частности) никоим образом не отрицает права на эмиграцию и, следовательно, на репатриацию. Более того, это право прямо записано в Основах гражданского законодательства и Гражданских кодексах союзных республик в виде права выбора места жительства. Моральную поддержку в деле репатриации давали и продолжают давать Устав ООН и Декларация прав человека, принятая в 1948 г. Эти документы призывают членов ООН к уважению и соблюдению прав человека, в том числе — права на эмиграцию.

Важнейшим фактором советского законодательства является теперь Международный пакт о гражданских и политических правах, который ратифицирован Советским Союзом и с 23 марта 1976 г. официально вошел в силу в качестве международного закона, обязательного для всех участвующих в нем государств.

Пакт (ст. 12) устанавливает, что право каждого покинуть любую страну, включая свою собственную, может быть объектом только тех ограничений, которые:

- (во-первых) предусмотрены законом,
- (во-вторых) необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или для охраны прав и свобод других людей,
- (в-третьих) совместимы с другими правами, признаваемыми в этом Пакте.

Рассмотрим эти условия.

— Из первого условия следует, что ограничения могут устанавливаться только законом, т. е. опубликованным нормативным государственным актом, а не произвольно — тем или иным чиновником, пусть даже высокопоставленным. В СССР такого закона нет. Единственным законом, касающимся эмиграции, является в СССР "Положение о въезде в СССР и о выезде из СССР", введенное в действие с 1 января 1971 г. (не считая чисто денежных документов: "О ставках государственной пошлины" и "О возмещении затрат на высшее образование"). В указанном "Положении" все правила эмиграции сведены к одной фразе (ст. 12): "Выдача выездных виз производится в установленном порядке Министерством внутренних дел СССР, союзных и автономных республик, управлениями внутренних дел исполкомов депутатов трудящихся". Никаких пояснений этого установленного порядка нигде нет.

— Из второго условия, разъясняющего допустимые причины ограничений, можно определить следующий перечень лиц, которые могут попадать под ограничения выезда:

а) в связи с государственной безопасностью — обладатели государственных секретов и лица, подлежащие в момент выезда призыву на военную службу;

б) в связи с общественным порядком — лица, против которых возбуждено уголовное преследование;

в) в связи со здоровьем населения — заразные больные, а в связи с нравственностью — развратители;

г) в связи с правами других — лица, не выполнившие алиментных обязанностей или увозящие детей от родителей.

Этот перечень намного шире того круга лиц, которых обычно ограничивают в праве на выезд на Западе. Так, в США и Англии препятствуют выезду только уголовно преследуемых лиц, а в ФРГ еще и тех лиц, которые подлежат немедленному призыву в бундесвер. В Советском Союзе круг задерживаемых намного пока превышает указанный перечень. Известны, правда, случаи задержки заразных больных и развратителей. Однако еще предстоит узнать, кого будут считать развратителями. Надо надеяться, что никто не посчитает гражданские права развратом, а борцов за права — развратителями. Известные нам причины задержек в СССР и их соответствие Пакту мы разберем в следующей главе.

— Третье условие Пакта (совместимость с другими правами) означает, в частности, что ограничения выезда не могут быть такими, чтобы приводить людей в подневольное состояние, которое запрещено ст. 8 Пакта. В то же время положение отказника, годами не знающего своей перспективы, полностью совпадает с понятием подневольного состояния. Мы вернемся и к этому вопросу далее.

Другим важным и очень популярным сейчас международным правовым документом является Заключительный Акт Сопредседания в Хельсинки (1975), включающий в себя, как полагают, сбалансированные взаимные обещания стран Запада и Востока. Для репатриации, которая до сих пор происходит исключительно по вызовам родственников, имеет значение по существу только раздел "Воссоединение семей" этого Акта. Этот раздел, в отличие от некоторых других разделов Акта, распространяется не только на государства-участники, но на любые другие страны, в том числе и на Израиль. В раздел включены следующие обещания:

1) рассматривать просьбы о воссоединении в позитивном и гуманном духе и быстрее;

2) при необходимости снижать сборы в связи с этими просьбами и взимать их в случае удовлетворения просьбы;

3) не изменять права и обязанности лица, подавшего такую просьбу, и права и обязанности членов его семьи.

Третий пункт бесспорно относится не только к конституционным, но и ко всем общественным правам, в частности — к праву работающего сохранять существенные условия своего труда (ст. 25 КЗОТ). Исходя из

этого, можно настаивать, чтобы производственное положение "подаванта" существенно не изменялось. Пункт 2-й, о снижении сборов, по духу своему означает, что эмиграционные сборы по крайней мере не должны увеличиваться против уровня 1975 года. Это практически исключает возможность восстановления платы за образование по Указу 1972 г., который так и не был отменен.

Глава II. Конфликтные ситуации в практике репатриации

1. Конфликты в связи с государственной безопасностью

Эти конфликты наиболее часты, так как большое число советских служащих и большинство военнослужащих формально имеют допуск к секретным документам или объектам и дают подписку, что не будут вступать в контакты с иностранцами. Сроки в подписках не указаны. По большей части не указывают сроки карантина и власти, когда объявляют отказ. Отсутствие регламентированной процедуры часто позволяет властям уклоняться и от точного указания причины: кто именно из уезжающих членов семьи и какая его деятельность дали основания для отказа? Подобная практика делает крайне трудным выявление неправильных решений и способствует произволу. Положение отказника в условиях такого произвола является типичным подневольным состоянием. Поэтому борьба с этим "установленным" порядком является борьбой за законность в самом строгом смысле этого слова, и эта борьба будет встречать всеобщую поддержку.

Отдельно отметим несуразные отказы из-за наличия допуска не у самих отъезжающих, а у кого-либо из родственников. Убедительным аргументом против таких отказов является Уголовный кодекс, устанавливающий ответственность за разглашение государственных секретов (ст. 75). Если против родственника, на которого ссылаются власти, не возбуждено уголовного преследования, то и не может быть оснований для задержки выезда.

2. Конфликты, связанные с воинской обязанностью

За время алии воинская обязанность вызвала несколько известных трагедий (Малкин – в Москве, Луцкер и Сельницкий – в Киеве), а для многих других молодых людей она задержала репатриацию на долгие годы. Закон таков, что отбытие срока наказания за уклонение от призыва в принципе не освобождает от последующих призывов. Поэтому срок наказания может увеличить задержку выезда, добавившись ко времени службы в армии и послеармейского карантина.

Не исключают возможность призыва и такие шаги, как подача заявления о выходе из гражданства СССР или получение израильского гражданства. В советском законе нет никаких указаний о военной службе лиц с двойным гражданством, а в международной практике принято, что они от военной службы не освобождаются. Выход же из гражданства разре-

шается Президиумом Верховного Совета СССР и возможен поэтому только с согласия властей.

Однако если исходить не из буквы, а из духа закона, то призыв репатриантов в армию обнаружит свою неестественность. Принятие военной присяги предполагает определенную интимность в отношении призывника к его Родине, готовность к жертве ради Родины, ощущение себя органической частью страны. Трудно ожидать таких чувств от репатрианта.

С другой стороны, и власти, понимая, что насильственный призыв выглядит непристойно, и понимая ущерб, который невольно наносит репатриант моральному духу своих коллег по армии, редко идут на насильственный призыв. В то же время репатриантам часто рассылаются вызовы в военкомат, на которые, как правило, ни одна сторона не реагирует. Однако таким образом сохраняется опасность призыва, удерживающая от репатриации многих молодых людей.

Конечно, от воинской обязанности нельзя просто отмахнуться, если репатриантов все же будут призывать в армию. Но должно быть так, чтобы военная служба репатриантов не приводила к задержке их выезда после отбытия службы. В процессе Малкина суд заявил, что репатриация есть средство уклонения от армии. В нынешних условиях такое заявление — попытка узаконить службу в армии в качестве средства удержания в подневольном состоянии. Против этого надо бороться. Пакт о правах дает основания для такой борьбы.

3. Конфликты, связанные с уголовным процессом

В истории алии в СССР было много случаев возбуждения уголовных дел против репатриантов. Нельзя возразить против общепринятого и зафиксированного в Пакте права государственной власти не выпускать безнаказанно тех, кто совершил преступления. Однако советский уголовный закон относит к разряду преступлений и такие деяния, которые являются не общественно опасными, а, скорей, общественно полезными. Так, фактически закон допускает уголовное преследование за критику советских порядков, поскольку при желании такая критика может быть причислена к клевете на советский строй или к антисоветской агитации. Здесь могут быть применены в порядке нарастаний сроков ст. ст. 190-1, 70 и даже 64 (измена Родине). В последней статье есть очень неясно сформулированная часть об умышленной помощи иностранным государствам в проведении враждебной деятельности против СССР. К сожалению, понятие "враждебная деятельность" нигде не расшифровано.

Подобные обвинения имели место в прошлом (1970-71 гг.) на процессах против репатриантов в Ленинграде, Риге, Кишиневе и Свердловске. Обвинения основывались на журналах и статьях, которые выпускались осужденными. Сейчас подобное обвинение предъявляют Анатолию Щаранскому, который как член Хельсинкской группы открыто выражал свое мнение о правовой ситуации в Советском Союзе. Мы должны решительно протестовать против попытки осудить Щаранского, как и других

в подобных случаях. Пакт дает прочную базу для такого протеста, так как в нем подтверждено право каждого свободно выражать свое мнение (ст. 19).

4. Конфликты из области семейного права

Относительное число этих конфликтов сейчас, по-видимому, не меньше, чем число конфликтов из области гос. безопасности. Здесь надо выделить два типовых случая: 1) остающиеся родители не разрешают увозить своих несовершеннолетних детей, 2) остающиеся родители не дают заявлений в связи с выездом своих совершеннолетних детей. Эти конфликты обусловлены законом в разной степени. В отношении несовершеннолетних детей Кодекс о браке и семье требует, чтобы даже при расторгнутом браке все вопросы, относящиеся к их воспитанию — в том числе и место проживания детей, — решались обоими родителями. При отсутствии согласия между родителями спор должен решаться судом, исходя из интересов детей. На наших глазах прошло много таких споров, часть которых доводилась до суда, а часть решалась в административном порядке, в ОВИРе. Обычно выезжает мать с детьми, а остается отец. Споры, как правило, тянулись долго, вымучивали людей и в конце концов решались таким образом: если обнаруживалось, что отец ребенка мало принимал участия в его воспитании или тем более вовсе не принимал, то мать отпускали с детьми. Если же отец регулярно участвовал в воспитании детей, то матери не позволяли увезти их. В одном из таких случаев мать уехала без детей, в другом — осталась в Союзе.

Иногда опасаются возможности отобрания детей у выезжающего родителя и передачи их в судебном порядке остающемуся родителю или органу опеки (ст. ст. 55 и 64). При этом ссылаются на то, что, согласно Кодексу, родители обязаны воспитывать детей в духе Морального кодекса строителя коммунизма (ст. 52), что трудно было бы проконтролировать на расстоянии. Эти опасения напрасны. Кодекс содержит так называемую коллизионную норму (ст. 166), дающую приоритет международным договорам. Международная конвенция по борьбе с дискриминацией в области образования, ратифицированная СССР в 1962 г., устанавливает право родителей воспитывать детей в соответствии с собственными религиозными и нравственными убеждениями. Это нейтрализует обязанность относительно Морального кодекса.

В отношении совершеннолетних детей закон, естественно, не устанавливает их зависимости от родителей. Кодекс (ст. 77) фиксирует только обязанность детей давать деньги на содержание родителей, если они в данный момент нетрудоспособны и нуждаются в помощи. Обязанность обеспечивать возможность содержания родителей в будущем, если они станут нетрудоспособными и нуждающимися, не предусматривается.

Можно считать закономерным, что при выезде совершеннолетних детей родители могут заявить о своих нынешних материальных претензиях. Но совершенно ненормально требовать от детей, чтобы они сами обеспечивали выдачу родителями таких заявлений. Многие родители, не

желая отъезда детей, а чаще — руководствуясь чисто холуйскими побуждениями, отказываются давать такие заявления и этим потворствуют препятствиям к рассмотрению выездных дел. В этих случаях полезно передавать родителям через нотариусов официальные запросы о материальных претензиях. Вопреки очевидному ОВИРы часто отказываются признать эти запросы достаточным доказательством правоты "подаванта", но во всяком случае эти запросы показывают, что "подавант" сделал все от него зависящее. Это придает убедительность любым последующим жалобам, а убедительность имеет немаловажное значение при рассмотрении дел по репатриации. Обычно по прошествии времени от нескольких месяцев до полутора лет ОВИРы разрубают узы искусственной родительской кабалы и выдают выездные визы. Этот период совместного глумления родителей и властей оказывается возможным, как и в других случаях, из-за отсутствия регламентированной процедуры прохождения выездных дел.

Два слова о формулировке заявлений от родителей по поводу выезда совершеннолетних детей. По указанию ОВИРа эти заявления составлялись родителями как сообщения не только о материальных претензиях, но и о согласии на выезд. В 1972 г. это обстоятельство было не совсем корректно использовано как повод для запрещения заверять эти документы у нотариусов, так как к изменению места жительства согласие родителей по закону не требуется. Впрочем, когда в заявлениях говорилось только о материальных претензиях, то выдвигали другие доводы для отказа или прямо говорили о запрете на нотариальное оформление этих заявлений. Советские юридические органы пока еще не настолько независимы, чтобы устоять перед начальственным указанием.

Глава III. Охрана права на репатриацию.

Проблема правового обеспечения

Выше постоянно отмечалось, что отсутствие в Советском Союзе нормативных актов, регламентирующих процедуру прохождения выездных дел, порождает полный административный произвол и приводит к тому, что масса советских репатриантов длительно удерживается в подневольном состоянии.

В СССР, в отличие от других стран, в том числе и народно-демократических стран Восточной Европы, отсутствует общее административно-процессуальное законодательство. Однако во всех областях советской жизни (народное хозяйство, образование, культура, общественный порядок и т. д.) имеются опубликованные и сравнительно легко доступные законодательные и подзаконные нормативные акты (указы, постановления, решения, инструкции и т. д.), обеспечивающие подконтрольное администрирование и относительный порядок во взаимоотношениях граждан и организаций.

Только в вопросе эмиграции (репатриации) ничего подобного нет. Как указывалось, все нормы по выезду частных лиц заключены в одной короткой фразе "Положения о выезде", в которой перечисляются учрежде-

ния, выдающие выездные визы по какому-то загадочному "установленному порядку". Это огромное упущение должно быть восполнено. Право не должно остаться голой декларацией. И наша задача – по-настоящему помочь советской власти в этом деле, потому что именно мы – репатрианты – страдаем от этого.

Находясь под защитой Советского Закона, мы на деле не обеспечены никакой возможностью защиты нашего права. Сегодня наши судьбы отданы на откуп чиновникам так называемых административных органов (МВД и КГБ), которые неподконтрольны. Защита нашего права в судебном порядке законом не допускается (ст. 25 ГПК). Наши жалобы по отказам остаются без конкретных мотивированных ответов и фактически игнорируются. Чем же руководствуются вершители наших судеб при рассмотрении выездных дел?

В интервью "Известиям" Обидин заверял, что ОВИР точно руководствуется Пактом. Но мы знаем, и это было показано выше, что в очень многих случаях отказы даются произвольно, без какого-либо согласия с условиями Пакта. А в вопросах процедуры имеет место полное пренебрежение Пактом. Ст. 2 Пакта требует не просто провозглашения, а обеспечения прав, требует принятия мер к их реальному осуществлению. Статья устанавливает для этого обязанность государства обеспечить эффективные средства правовой защиты и развивать возможности судебной защиты. Таким образом, Пакт требует хорошо развитой и четко функционирующей процедуры.

Сейчас работа ОВИРа может быть описана такой схемой. Перед каждым "подавантом" выкладывают полосу препятствий, на которой должна быть испытана прочность намерений и выносливость "подаванта". Сложность препятствий в некоторой степени регулируется в зависимости от специфики подающего – прежде всего от национальности, от возраста, от обстановки в семье, от убедительности и эмоциональности его аргументов. Следует иметь в виду, что учет национальности существенно выделяет репатриацию над обычной эмиграцией. Однако это не может заменить узаконенного порядка, при котором, возможно, репатриация будет по-прежнему выделяться, а полоса препятствий будет сведена к нормальному бюрократическому минимуму.

Советская наука об административном праве (В.Д. Сорокин, Н.Г. Селищева) указывает, что при разработке порядка прохождения административных дел необходимо установить следующие основные нормы:

- 1) нормы процедуры возбуждения дела,
- 2) нормы дееспособности субъекта рассмотрения,
- 3) нормы подведомственности,
- 4) нормы участия в административном процессе субъекта рассмотрения, третьих лиц, экспертов и т. д.,
- 5) нормы для обоснования решения,
- 6) нормы по срокам вынесения решения,
- 7) нормы процедуры вручения решения,
- 8) нормы обжалования решений.

Этот научно обоснованный список должен быть целиком использован при разработке правил репатриации и методов защиты права на репатриацию. При этом должна быть предусмотрена возможность защиты своего права в суде.

Заключение

Пакт о гражданских и политических правах дает нам основание требовать изменения правовой структуры СССР для приведения ее в соответствие с этим Пактом.

Как показано выше, в области репатриации такие изменения должны быть весьма значительны. Необходимо Положение о репатриации, тщательно регламентирующее процедуру и нормы, устраняющее произвол, полностью учитывающее условия Пакта.

ДОКУМЕНТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Документы об обыске на аэродроме

I

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА

Краснодарского края

Отдел

спец.

При ответе ссылаться на № и дату
г.Краснодар, ул. Советская, дом № 39 *

12 января 1977 г. № 6-21-75

г. Майкоп, ул. Школьная № 5
гр-ну Павлову В.М.

По существу вашего заявления сообщаем, что 27 ноября 1976 года сотрудниками линейного отдела милиции совместно с представителями Краснодарского аэропорта осуществлялся досмотр пассажиров в соответствии с инструкцией № 59/и/10.

Действия милиции и представителей аэропорта признаны правильными.

Изъятая у Вас рукопись находится на исследовании в Край-лито, после чего Вам будет сообщено дополнительно.

Старший помощник прокурора края

Старший советник юстиции

В.А. Каленский

II

Прокуратура СССР
ПРОКУРАТУРА

Краснодарского края

Отдел

спец.

16 февраля 1977 г.

№ 6-2-77

При ответе ссылаться на № и дату

г. Краснодар
ул. Советская 29*

г. Майкоп, ул. Школьная 5
гр-ну Павлову В.М.

По изъятой у Вас рукописи "Моя Одиссея" проведено исследование Краснодарским Крайлитом.

Эта рукопись признана нежелательной, поэтому изъята.

Старший помощник прокурора края

Старший советник юстиции

В.А. Каленский

* Так в оригинале.

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ПОЧТОВЫХ УВЕДОМЛЕНИЙ

11

☒ Registered article Envoi recommandé	☒ Letter Lettre	☐ Print Imprimé	☐ Other Autre
☐ Insured parcel Colis avec valeur déclarée	Insured value Valeur déclarée \$ _____		
Office of mailing Bureau de poste	Date of posting Date de dépôt	No.	
Chicago, Ill.	10/21/77	509616	
Address (Name or firm) Nom ou raison sociale du destinataire			
DR. KRONID LYUBARSKY			
Street and No. Rue et No.			
LESNOI str. 5			
Place and country Lieu et Pays			
TARUSA, KULUZH'SKAYA OBLAST			
<p>This receipt must be signed by the addressee or by a person authorized to do so by virtue of the regulations of the country of destination, or, if those regulations so provide, by the employee of the office of destination, and returned by the first mail directly to the sender.</p> <p>Cet avis doit être signé par le destinataire ou par une personne y autorisée en vertu des règlements du pays de destination, ou, si ces règlements le comportent, par l'agent du bureau de destination, et renvoyé par le premier courrier directement à l'expéditeur.</p> <p>☐ The article mentioned above was duly delivered. L'envoi mentionné ci-dessus a été dûment livré.</p>	<p>Postmark of the office of destination Timbre du bureau de destination</p> <p>10/21/77</p>		
<p>Signature of the addressee Signature du destinataire</p>	<p>Signature of the employee of the office of destination. Signature de l'agent du bureau de destination.</p>		

Фото с оригинала уведомления

Кронид Любарский покинул СССР 14 октября 1977 г.

<p>To be filled out by the office of origin (A remplir par le bureau d'origine)</p>	<p>Registered article Envoi recommandé LETTER</p> <p>Parcel insured for Colis avec valeur déclarée de \$ _____</p> <p>Mailed at the post office of Déposé au bureau de poste de Washington, D.C.</p> <p>on October 20 1977 under No. _____ le _____ sous le No. _____</p> <p>Address of the addressee Adresse du destinataire</p> <p>Mr. Anatoli Tikhonovich Marchenko (Name or firm) (Nom ou raison sociale)</p> <p>SSSR, Irkutskaya Oblast - Chanski Raion (Street and number) (Rue et numéro)</p> <p>Ul. Chapayeva 18 U.S.S.R. (Place of destination) (Country of destination) (Lieu de destination) (Pays de destination)</p>
<p>To be completed at destination (A compléter à destination)</p>	<p>The undersigned declares that the article mentioned above was duly delivered Le soussigné déclare que l'envoi mentionné ci-dessus a été dûment livré</p> <p>on 10/21 1977</p> <p>Signature of the addressee. Signature du destinataire:</p> <p>Signature of the agent of the office of destination. Signature de l'agent du bureau de destination:</p>
<p>1 Cross out what does not apply. Rayer ce qui ne convient pas.</p> <p>2 Indicate in the parenthesis the nature of the article (letter, post card, print, etc.), if called for. Indiquer dans la parenthèse la nature de l'envoi (lettre, carte postale, imprimé, etc.) s'il y a lieu.</p> <p>3 This receipt must be signed by the addressee or by a person authorized to do so by virtue of the regulations of the country of destination, or, if those regulations so provide, by the agent of the office of destination, and returned by the first mail directly to the sender. Cet avis doit être signé par le destinataire ou par une personne y autorisée en vertu des règlements du pays de destination, ou, si ces règlements le comportent, par l'agent du bureau de destination, et renvoyé par le premier courrier directement à l'expéditeur.</p>	

Перепечатка из бюллетеня "Free Trade Union News", апрель 1978 г.

В письме от 1 декабря 1977 г. А. Марченко сообщил американским профсоюзам, что не получил этого письма с приглашением прибыть в США (см. письмо Марченко, стр. 17).

10 ЛЕТ "ХРОНИКЕ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ"

ГОРБАНЕВСКАЯ ОБ ОСНОВАНИИ "ХРОНИКИ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ"

Много раз, собираясь, разговаривая, обмениваясь новыми сведениями, притоком информации из лагерей, который начался в 66-67 году, мы думали о том, что все это надо как-то систематизировать. В первую очередь это касалось именно информации из лагерей, и были такие разговоры: "Вот хорошо бы заняться и выпускать какую-то регулярную информацию". Но дальше разговоров это дело не шло. В большинстве случаев — не по лени, а потому что все очень заняты, очень загружены, все люди работают и, кроме того, перепечатывают Самиздат и изыскивают способы, как помочь друзьям в лагере. Это были времена, когда было немножко легче с посылками в лагерь, да еще можно было отправлять сколько угодно бандеролей с книгами, и одно беганье по магазинам, очереди на почте — все это страшно отнимает время. А дела это были срочные, неотложные, поэтому нереализованная идея регулярной информации продолжала витать в воздухе.

Потом наступил 1968 год, процесс Гинзбурга и Галанскова, огромное количество самых разных, индивидуальных и коллективных, писем с протестами против того, как протекал этот процесс, против приговора, против лживых статей в газетах. За этим последовали внесудебные репрессии против подписавших, или — вот слово, которое я не люблю употреблять, так же как привившиеся "диссидент" и "психушка", — "подписантов". Накапливался огромный материал. На многих письмах, распространявшихся в самиздате, были не только подписи, но и адреса их авторов, и по этим адресам, в свою очередь, приходили письма — как с выражениями поддержки, так и с не известной нам информацией о событиях, происходящих в стране.

До этого мы хорошо знали только то, что происходило в Москве, за 67-й год узнали кое-что об украинских событиях, о процессах в Киеве и Львове, об украинских политзаключенных. Но благодаря тому что наши письма, "московские" — условно говоря, ходили в самиздате, передавались по радио, сразу расширился круг знакомств и круг наших сведений о том, что происходит в других городах страны. Мы узнали, что происходит в Харькове, Горьком, Днепропетровске, узнали, например, о ленинградском процессе 67-го года над руководителями Всесоюзного социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН) и о том, что готовится процесс над остальными участниками этой организации. У нас возникли очень хорошие, дружеские контакты с представителями крымско-татарского движения за возвращение народа в Крым, на родину, откуда крымские татары были насильственно выселены в 44-м году.

Пожалуй, именно встреча с крымско-татарским движением дала новый толчок к возникновению того, что позднее было названо "Хроникой текущих событий". Активисты крымско-татарского движения регулярно выпускали информационные бюллетени, в которых помещали тексты открытых писем, направленных в партийные и правительственные органы, сообщения о том, что предпринимали крымско-татарские активисты, к кому на приемы они ходили, что им ответили, сообщения о репрессиях против участников демонстраций, которые ежегодно проходят 19 мая, в годовщину изгнания крымских татар из Крыма, о репрессиях против активистов, которые собирают подписи под всенародными письмами, отвозят их в Москву, добиваются приема у высокого начальства. Эти информационные бюллетени были некоторой исходной формой для будущей "Хроники", хотя они, естественно, были сосредоточены на своей теме, на крымско-татарском движении.

А мы все продолжали разговаривать о том, что хорошо бы выпускать какую-то информацию. В конце концов, эти бесконечные разговоры породили много недоразумений: и есть люди, которые уверены, что они выдали на-гора идею "Хроники". В частности, известно, что Виктор Красин на следствии дал показания о том, когда и где было "вынесено решение" о выпуске "Хроники". Мыслить такими полупартийными категориями в отношении этого действительно свободного издания — вообще смешно, никто никакого решения не выносил. Но правда, что в некий вечер собралось нас несколько человек (без Красина), из которых я сейчас могу назвать с печалью только Илью Габая, так как остальные находятся до сих пор в России и, невзирая на давность, я все-таки опасаясь повредить им. Мы подумали, какие примерно разделы будут в "Хронике": нужно писать об арестах, о судах, о лагерях и тюрьмах, о внесудебных репрессиях, которых как раз к тому времени накопилось особенно много. И тут произошло одно из главных в моей жизни событий: друзья решили, что именно я справлюсь с задачей быть окончательным собирателем, составителем, редактором выпусков этого информационного издания.

Оно было названо "Год прав человека в Советском Союзе". Именно 1968 год — год, который ознаменовался кампаниями преследования в Советском Союзе и в Польше, а затем и вторжением в Чехословакию, именно он был перед тем объявлен Объединенными Нациями Годом прав человека. И вот мы попытались рассказать, как выглядит год прав человека в Советском Союзе.

Первый выпуск вышел 30 апреля 1968 года. Я сама отпечатала его на машинке в семи, кажется, экземплярах. Потом я сама неоднократно перепечатывала его. Постепенно в этом участвовало все больше людей: и перепечатывали, и собирали материал, доставляли информацию, помогали идеями. В пятом выпуске, который вышел под новый 1969 год, было даже внесено предложение, как передавать информацию в "Хронику": "Каждый, кто заинтересован в том, чтобы советская общественность была информирована о происходящих в стране событиях, легко может передать известную ему информацию в распоряжение "Хроники". Расскажите ее тому, у кого вы взяли "Хронику", а он расскажет тому,

у кого он взял "Хронику", и т. д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача". Мы и провокаторов опасались, и провокационной "информации", но, может быть, еще больше боялись принять честных, но не знакомых нам и часто наивно прямых людей за провокаторов.

Я не выпускала в окончательном виде третий выпуск "Хроники". Он должен был выйти в конце августа, это было сразу после демонстрации, и еще до того, как идти на демонстрацию, предполагая арест и обыск (и обыск действительно был), все подготовленные материалы я отдала своим друзьям. А оставшись после демонстрации на свободе, я первые дни еще продолжала ждать ареста, да и шла за мной непрерывная слежка, в таких условиях выпускать "Хронику" мне было опасно: весь выпуск мог спалиться. Но с четвертого номера я снова взялась за нее.

"Хроника" расширялась за счет увеличения количества материалов, притока информации, появления новых разделов — таких, как "Новости Самиздата". Это началось с того, что в том же пятом выпуске, которым заканчивался 68 год, был сделан обзор Самиздата последних лет. После этого раздел "Новости Самиздата" стал регулярным и до сих пор появляется в каждом выпуске "Хроники текущих событий".

Год прав человека в Советском Союзе закончился, как закончился и во всем мире, преследования оставались совершенно прежними, и с шестого выпуска, который вышел уже в 69 году, мы поставили заголовком "Год прав человека в Советском Союзе продолжается". Собственно, к этому времени никто уже не рассматривал это как заголовок, а рассматривали просто как что-то вроде лозунга, как "Пролетарии всех стран, соединяйтесь" над заголовком газеты "Правда". А в жизнь уже прочно вошло "Хроника текущих событий", или, как просто, не уточняя, все говорили "Хроника", и каждый знал, о чем идет речь. Со временем, это уже было без меня, этот, так сказать, лозунг над заголовком изменился и теперь стоит: "Движение за права человека в Советском Союзе продолжается". Тут, может быть, не совсем сохранен смысл, который мы первоначально вкладывали в заглавие. Когда мы говорили: "Год прав человека в Советском Союзе", в этом содержались одновременно и ирония по поводу того, как в этот год прав человека Советский Союз попирает эти права, и внимание к тому, как люди борются за эти права. В нынешнем же надзаголовке осталось только последнее.

Я все время говорю "лозунг" или "надзаголовок", не употребляя слова "эпиграф", потому что у "Хроники" был и есть до сих пор один неизменный и самый лучший, какой можно выдумать, эпиграф — хотя придумать его было легче легкого. Тем не менее я всегда гордилась, что эта мысль пришла мне в голову и что уже после того, как я напечатала весь первый выпуск "Хроники" и принялась печатать титульный лист, я додумалась поставить эпиграфом текст статьи 19 Всеобщей декларации прав человека. Конечно, это пежало на поверхности, все мы тогда носили Декларацию с собой, и она действительно была для нас заменой политической программы. Но в то же время ничто не передает духа и направления "Хроники", как этот текст.

В течение 1968-1969 гг. я продолжала редактировать "Хронику текущих событий" — кончая 10-м выпуском. 10-й, правда, я хоть и подготовила почти полностью, но кое-какие дополнения и редакторские поправки были внесены в него без меня, так как я в конце октября ("Хроника" выходила раз в два месяца) уехала навестить своих ссыльных друзей — подельников по Красной площади.

К 11-му выпуску я собрала материалы, но было уже ясно, что меня вот-вот посадят (уже был обыск в октябре), и я искала, кому бы передать материалы "Хроники". Я уже договорилась, что ко мне придет Володя Тельников, заберет материалы и будет готовить новый выпуск. Я должна была ему помочь, показать, как сводить материалы, как располагать их по разделам, как поддерживать объективность тона "Хроники". Эта объективность, думаю, не только для меня, редактора, но и для читателей была очень важна.

Накануне назначенной встречи меня арестовали. По счастливой случайности материалы 11-й "Хроники" не были взяты на обыске. Именно по случайности: они не были спрятаны, они лежали, аккуратно собранные в один конверт, вместе с другими бумагами в ящике письменного стола. Кучу бумаг на обыске взяли без протокола, сложили в "запечатанную" (т. е. просто заклеенную) папку и обещали составить опись во время следствия. Опись никогда потом не была составлена, на мое требование следователь Акимов ответил: "Ну, как-нибудь попозже, это же надо специально привозить в тюрьму понятым". А "попозже" я уже пошла в невменяемые. Папка, конечно, была открыта, т. к. одну-две бумажки из нее потом вернули. Но в момент "запечатывания" я никак не могла понять, попал в папку конверт с материалами "Хроники" или нет. Казалось мне, что нет, о чем я и шелнула присутствовавшим на обыске друзьям. На следующий день они спокойно взяли этот конверт из опустошенного ящика стола — эти черновые, многими почерками написанные материалы, которые, будь они забраны, подвели бы, вероятно, очень многих людей. Я об этом узнала только через два с лишним года.

''ХРОНИКЕ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ'' – 10 ЛЕТ

Неподцензурная русская пресса началась не с ''Хроники'' – она имеет столетнюю историю: герценовский ''Колокол'', народнические и народо-вольческие газеты и журналы, а позже – пресса эсеров и социал-демократов (нам наиболее известна из этих изданий ленинская ''Искра''). Но почти все эти издания поступали в Россию из-за границы, и ни одно из них не дожило до своего десятилетия. Тем более кажется чудом выпуск в течение десяти лет неподцензурного информационного бюллетеня на территории Советского Союза, где, всякий согласится, условия для этого тяжелее, чем при царе. Но на обложке выпуска ''Хроники'', который выйдет после 30 апреля, будет значиться ''одиннадцатый год издания''.

''Хроника текущих событий'' является рупором правозащитного движения в СССР.

Название отвечает назначению издания: оно констатирует факты нарушений прав человека в СССР, факты правозащитных выступлений и факты осуществления гражданских прав ''явочным порядком''. Фактологичность определила принцип подачи материала: ''Хроника'' принципиально воздерживается от оценок сообщаемых фактов.

Редакция ''Хроники'' анонимна, в выпусках нет ее почтового адреса. Это объясняется ''своеобразными понятиями о легальности и свободе информации, выработавшимися за долгие годы в некоторых советских органах'' (''Хроника текущих событий'', № 5). За десятилетие редакция ''Хроники'' неоднократно менялась, главным образом из-за арестов: в декабре 69 года была арестована Наталья Горбаневская, первый редактор ''Хроники'', в 72 году прошла целая серия арестов активистов ''Хроники'' по так называемому ''делу № 24'', в 75 году был арестован Сергей Ковалев, один из объявивших о возобновлении издания ''Хроники'' после двухлетнего перерыва – с 72 по 74 год; несколько человек, принимавших участие в издании ''Хроники'', эмигрировали. Однако замена издателей ''Хроники'' совершенно незаметна для ее читателей, так как личности издателей совершенно не отражаются в ней: не только внешнее оформление и стиль изложения, но и подход к отбору материала и принципы его подачи, установившиеся в первых выпусках, неизменны в течение десятилетия.

Механизм поступления информации от редакции к читателям и от читателей к редакции ''Хроники'' был предложен в ее пятом выпуске: ''...Каждый, кто заинтересован в том, чтобы советская общественность была информирована о происходящих в стране событиях, легко может пере-

дать известную ему информацию в распоряжение "Хроники". Расскажите ее тому, у кого вы взяли "Хронику", а он расскажет ее тому, у кого он взял "Хронику" и т. д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача" ("Хроника", вып. 5).

В первом выпуске "Хроники" — семь разделов, обозначенных римскими цифрами: суд над Галансковым — Гинзбургом — Добровольским — Лашковой; выступления общественности по поводу этого суда — индивидуальные и коллективные письма; репрессии против "подписантов"; обращение 12 активистов правозащитного движения к президиуму Консультативного совещания коммунистических партий в Будапеште; известия из лагерей для политзаключенных; суд в Ленинграде над членами ВСХСОН; сообщение о судьбе арестованного по ст. 70 московского студента В. Прусакова.

Уже первый выпуск дает представление о том, какие стороны жизни советского общества освещает "Хроника": почти все последующие выпуски тоже начинаются с отчетов о политических процессах. За 10 лет "Хроника" информировала своих читателей о 424 политических процессах, на которых были осуждены на разные сроки 753 человека. "Хронике" известны сроки лишения свободы 587 из них. Суммарно они составляют 2917 лет — т. е. в среднем по пять лет на каждого. Кроме того, известно, что 164 человека были признаны невменяемыми и отправлены на принудительное лечение.

В 1968 году наиболее подробную информацию о судебных процессах кроме процессов, описанных в первом выпуске, "Хроника" дала о суде по делу демонстрантов против оккупации Чехословакии (Бабицкий, Богораз, Делоне, Дремлюга, Литвинов), а также о процессе в Ленинграде (Гендлер, Квачевский, Студенков).

В 1969 году география политических процессов, освещаемых "Хроникой", заметно расширилась: кроме процессов Ильи Бурмистровича и Виктора Кузнецова в Москве и процесса Владимира Борисова в Ленинграде в "Хронике" описаны дела Гомера Баева (Симферополь), Бориса Кочубиевского (Киев), И. Рипса (Рига), Б. Талантова (Пермь), Г. Алтуняна (Харьков).

В 1970 году — подавляющее большинство судимых москвичей оказались "невменяемыми": П.Г. Григоренко, В. Новодворская, О. Юфе, Н. Горбаневская, В. Гершуни, П. Егидес, а вместе с ними и И. Яхимович (Рига). Из известных "Хронике" судимых в 70 году москвичей оказались нормальными только А. Амальрик и И. Габай, которого судили в Ташкенте совместно с М. Джемилевым. В том же году прошли процессы над И. Сокульским и его поделельниками, над С. Бедрило, над Недоборой, Левиным и Пономаревым на Украине; тюремное дело С. Караванского во Владимире; суды над членами студенческих подпольных кружков в Рязани, Саратове, Горьком; суд над Р. Пименовым и Б. Вайлем в Калуге; ереванские процессы; "самолетный процесс" в Ленинграде, по которому судили 11 человек и были вынесены 2 смертных приговора — Э. Кузнецову и М. Дымшицу, замененных затем пятнадцатилетними сроками лагеря особого режима.

В 1971 году – еще три "еврейских" процесса: в Ленинграде (так называемый "околосамопетный"), в Кишиневе и Риге. По этим четырем процессам были осуждены 33 человека, получившие суммарно 193,5 года. И еще два процесса над замыслившими сбежать из СССР: Симаса Кудирки (Литва) и Дмитрия Михеева (Москва) и процессы, поражающие отсутствием материала для обвинения даже на фоне советских судов, – В. Кукуя (Свердловск) и Р. Палатник (Одесса). И как преддверие лавины украинских процессов – суд над Валентином Морозом (Ивано-Франковск) за литературное творчество, с жестоким приговором, как и по большинству украинских судов в следующем году (9 лет тюрьмы и лагерей + 5 лет ссылки).

В 72-73 годах – аресты и суды в разных местах Украины, на которых было осуждено более 50 человек, среди них И. Светличный, В. Стус, Е. Сверстюк, И. Калинец, В. Лисовой, а также осужденные повторно В. Черновол, И. Гель, В. Романюк, Ю. Шухевич, Д. Шумук, А. Сергиенко, Е. Пронюк, З. Антонюк, женщины – Н. Светличная, Н. Строкатова, С. Шабатура, И. Стасив-Калинец, И. Сеник и в 74 г. О. Попович.

В Москве в 72 году состоялись процессы В. Буковского и К. Любарского, в Улан-Удэ – процесс над Дандароном и др.

В 73 году прошли процессы над "самиздатчиками", так или иначе связанными с "Хроникой": процесс Болонкина – Балакирева в Москве, Хаустова в Орле, Пирогова в Архангельске и печально известный процесс Якира – Красина.

В 1974 году – продолжение процессов за "Хронику": Г. Суперфин в Орле, В. Некипелов во Владимире, Ладыженский и Коровин в Риге. И опять процесс в Армении (Паруйр Айрикян и др.), и опять "еврейский" процесс (Михаил Штерн) и продолжение судов на Украине, и суды над писателями М. Хейфецем и В. Марамзиным в Ленинграде.

В 1975 году – суд в Таллине (Мяттик, Сопдатов и др.), суд над Г. Винсом (Киев), суды за отказ от службы в армии (Я. Винаров, А. Малкин), суд над редактором журнала "Вече" Владимиром Осиповым и в самом конце года, в декабре, – суд над Сергеем Ковалевым, где главным обвинением была причастность к "Хронике текущих событий" (семь лет лагерей + 3 года ссылки).

В 1976 году – состоявшиеся в один и тот же день суды над А. Твердохлебовым в Москве и над Мустафой Джемилевым в Омске, а затем – над Амнером Завуровым в Узбекистане и над Петром Рубаном на Украине.

В 1977 году – процесс Юлии Вознесенской в Ленинграде, Василия Барладяну в Одессе, Миколы Руденко и Алексея Тихого в Дружковке, Мальвы Ланды в Москве и в течение всего года – аресты членов Хельсинкских групп в Москве, на Украине, в Грузии, в Литве...

За десятилетие неизвестно ни одного оправдательного приговора. В "Хронике" отмечены лишь 20 случаев освобождения до суда – за отсутствием состава преступления или по помилованию (часто в награду за сотрудничество со следствием) и несколько условных сроков, в основном для раскаявшихся (9), но 6 раз – беременным женщинам и женщинам, имеющим маленьких детей.

По годам осужденные к лишению свободы распределяются следующим образом:

1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	неполн.
58	97	102	40	60	58	67	29	24	16*	

Сокращение числа арестов по политическим мотивам сопровождалось и некоторым понижением "среднего" срока: если в 70 году, на который приходится максимальное число осужденных, "средний" срок составлял 5,46 лет, то в 76 году, в котором число осужденных было наименьшим (24), "средний" срок тоже оказывается наименьшим (3,5 лет). Надо оговорить, что начиная с середины 70-го года приговоры чаще отягощаются ссылкой после лагерного срока. За десятилетие было определено по судебным приговорам ссылки как таковой и дополнительно к лагерю или тюрьме 341 год на 99 человек, т. е. приблизительно по 3,5 года на каждого. Кроме того, начиная с 70-го года — и чем дальше, тем больше — некоторые диссиденты, способные испортить утешительную статистику, входят не в графу арестантов, а в графу эмигрантов. Многих из них точнее было бы назвать изгнанниками.

Но так или иначе, число политических процессов, о которых сообщает "Хроника", сокращается. Наиболее естественным объяснением этого факта мне представляется вынужденность властей считаться с общественным мнением внутри страны и за ее пределами. Это объяснение можно оспаривать, предлагать другие, но ни в коем случае нельзя отнести сокращение числа политических процессов, фиксируемых "Хроникой", ни за счет ослабления диссидентского движения (о его росте свидетельствуют данные "Хроники" за десять лет), ни за счет сужения информированности редакции. Напротив, эта информированность заметно возросла.

Судя по первым выпускам, осведомленность редакции "Хроники" ограничивалась в основном кругом московских диссидентов: пять из семи разделов первого выпуска посвящены событиям в Москве, два — в Ленинграде**.

Из выпуска в выпуск можно проследить расширение географических рамок информации, сообщаемой "Хроникой". Специфика условий работы редакции "Хроники" объясняет происходящее время от времени сужение сети ее корреспондентов, но тем не менее географический охват заметно возрос за 10 лет: в "Хронике" № 7 (апрель 69 года) сообщается о событиях в 34 местах, в № 11 (декабрь 69 года) — в 32, в № 12 (февраль 70 года) — в 18 (вероятно, была утрачена связь с частью корреспон-

* Плюс 14 ожидающих суда.

** Правда, среди писем в защиту Галанскова — Гинзбурга, подписанных в подавляющем большинстве москвичами, упоминается письмо 10 ленинградцев, письмо 46 жителей Новосибирского академгородка, письмо 139 с Украины, а также индивидуальные письма Яхимовича из Латвии, Воронина из Арзамаса и Плюща из Киева; среди преследуемых "подписантов" упоминается Валерий Павлинчук из Обнинска.

дентов в связи с арестом Натальи Горбаневской), в № 27 (октябрь 72 года) — в 35, в № 28 (вышедшем после двухлетнего перерыва, но посвященном событиям с октября по декабрь 72 года) — в 28, в № 34 (декабрь 74 года) — в 71, в № 46 (август 77 года) — в 96 городах и населенных пунктах СССР.

Соответственно расширилась осведомленность "Хроники" не только о судебных репрессиях, но и о внесудебных преследованиях. Этот материал был выделен в особый раздел уже во втором выпуске (списки уволенных с работы, исключенных из партии, из институтов или творческих объединений за подписи под письмами в защиту Гинзбурга — Галанскова) и в большинстве последующих выпусков занимает немалое место.

Расширение географических рамок информации, известной "Хронике", свидетельствует о расширении круга ее корреспондентов и — более широко — о возникновении связей между участниками правозащитного движения в разных местах страны и с Москвой, а также об установлении контактов правозащитного движения с другими диссидентскими течениями — национальными и религиозными.

В первых выпусках "Хроники" почти нет информации из национальных республик. Исключение составляет лишь Украина: оттуда есть по несколько сообщений в каждом выпуске "Хроники", начиная с первого (в 7-ом — 8 сообщений с Украины, в 13-м — 10, в 28-м — 12 и т. д.). Эти сообщения касаются не только группы особо активных общественных деятелей, чьи фамилии повторяются из выпуска в выпуск, но и широкого круга людей из разных мест республики. Информация с Украины, как правило, не выделяется в особый раздел, но часто составляет существенную часть многих разделов "Хроники".

Редакция "Хроники" с самого начала ее издания была осведомлена и о движении крымских татар. Во втором выпуске было помещено "Обращение крымско-татарского народа к мировой общественности", где излагалась история депортации этого народа из Крыма и его 12-летней борьбы за возвращение на родину. "Хроника" постоянно публикует информацию о судебных процессах над крымскими татарами, о препятствиях, чинимых их переселению в Крым, и т. д. Сообщения о крымско-татарском движении во многих выпусках "Хроники" выделены в особый раздел, а 31-й выпуск приурочен к 30-й годовщине депортации крымских татар и полностью посвящен их движению.

О движении месхов, которые были депортированы в один год с крымскими татарами и тоже с 56 года добиваются возвращения в Месхетию, информация в "Хронике" впервые появилась в апреле 69 года, и с тех пор "Хроника" регулярно сообщает об их борьбе.

Сообщения из Литвы начинаются лишь в 15-м выпуске "Хроники", т. е. с августа 70 года, и до 21 выпуска (сентябрь 71 года) отрывочны и поверхностны — видимо, источники информации были случайными. Лишь с сентября 71 года "Хроника" смогла постоянно информировать своих читателей о событиях в Литве: в 17-и выпусках из 26 этот материал выделен в специальный раздел, а в остальных выпусках имеется по несколько обстоятельных сообщений из Литвы. Большинство их касается положения

питовской католической церкви — преследований верующих и их борьбы за свободу вероисповедания.

Информация из Грузии появилась еще позже — систематической она становится лишь с июля 74 года (выпуск 32). Значительная ее часть посвящена положению грузинской православной церкви. Постепенно устанавливались контакты "Хроники" с представителями других религиозных течений — баптистами, пятидесятниками, адвентистами, иеговистами. Все вместе они составляют более миллиона советских граждан. Религиозные общины разбросаны по всему Советскому Союзу, имеются и в городах, и в селах, и в заводских поселках. Они подвергаются преследованиям властей и ведут борьбу за гарантированное им Конституцией право на свободу вероисповедания. Но между религиозными диссидентами и правозащитным движением не было связей, они едва ли знали о существовании друг друга. В первых выпусках "Хроники" мелькают сообщения лишь о православной церкви, и то довольно редко.

В выпуске 5 (декабрь 68 года) была помещена аннотация открытого письма 176 членов киевской общины евангельских христиан-баптистов в защиту Г. Винса, арестованного в 1967 году. Следующие сообщения о баптистах появились лишь в 16 и 18 выпусках. Только начиная с 28-го выпуска (май 74 года) информация о них становится более регулярной и подробной. Об адвентистах "Хроника" впервые упомянула в 14-м выпуске (июль 70 года), о свидетелях Иеговы — в 20-м (июнь 71 года), о пятидесятниках — в 32-м (июль 74 года).

Начиная с 34-го выпуска (декабрь 74 года) раздел "Преследования верующих" стал постоянным в "Хронике" и включает информацию обо всех перечисленных религиозных течениях: сообщения о судебных процессах верующих, случаи лишения родительских прав, закрытия церквей и молитвенных домов, разгона молитвенных собраний, штрафы за них и т. д., а также аннотации обращений верующих с жалобами в советские инстанции, с просьбами о помощи и поддержке к советской и международной общественности.

Возможно, контактам религиозных диссидентов с правозащитным движением способствует не только его укрепление, но и нарастание диссидентских настроений в среде верующих. С большей уверенностью это можно сказать о таком очаге гражданской активности, как движение за эмиграцию из СССР евреев и немцев.

И те и другие стали подавать заявления о выезде со второй половины 50-х годов. Одним из центров еврейской эмиграции является Москва, и участники правозащитного движения имели давние связи среди отказников, не только деловые, но и дружеские и родственные — недостатков в информации из этой среды не было. Но вначале эта информация сводилась к констатации преследований тех, кто выказал намерение уехать из СССР, так как подавшие заявления о выезде не предпринимали совместных действий. Лишь в конце 69-го года (10-й выпуск) появилась в "Хронике" аннотация первого ставшего ей известным правозащитного документа отказников — письма Подгорному с обоснованием права на выезд. В 12-м выпуске открытых писем набралось уже на раздел "Письма совет-

ских евреев". В дальнейшем "Хроника" последовательно фиксирует все новые формы коллективных выступлений активистов еврейского движения: подача петиций, голодовки, демонстрации, организация научных семинаров и выпуск самиздатских журналов. Материалы о еврейском движении стали обязательными в каждом выпуске "Хроники" и обычно составляют обширный раздел, часто с обзором событий по городам.

О движении советских немцев за выезд в ФРГ "Хронике" стало известно лишь с июля 74 года (выпуск 32). В разделе этого выпуска "Советские немцы хотят уехать в ФРГ" "Хроника" сообщает о 40 тыс. человек, добивающихся выезда, о выходе сборника "Репатриа", посвященного проблемам выезда, о создании ассоциации, объединяющей желающих эмигрировать немцев Эстонии, о демонстрации немцев в Москве у здания ЦК КПСС в феврале 74 года и об арестах среди них. В последующих выпусках "Хроника" рассказывает о такой форме протеста против отказа, как сдача паспортов, в массовом порядке предпринятая советскими немцами. Видимо, контакты с правозащитным движением немцев-отказников стимулировались возрастанием правозащитных тенденций в их среде.

Наиболее поражающим свидетельством активизации правозащитного движения является информация, представленная в разделе о политзаключенных. "Хроника" постоянно внимательна к ним. Самомалейшие сведения из пагереи, Владимирской тюрьмы и психбольниц находят место на ее страницах. С самого первого выпуска в специальном разделе публикуются все ставшие известными сообщения о перемещениях в местах заключения, о вновь прибывших, об освободившихся. "Хроника" периодически помещает списки попытка заключенных с кратким описанием дел, а для более пространного изложения судебных дел, выходящих за хронологические рамки "Хроники", с 16-го выпуска был введен раздел "Процессы прежних лет". ("Хроника" сообщила около 500 фамилий осужденных по политическим статьям и о 46 человеках, помещенных в спецпсихбольницы до 68 г.) Публикуются сведения о болезнях заключенных, о назначении наказаний, о стеснении в переписке, в свиданиях, о нормах питания, о жилищных условиях и условиях работы. 33-й выпуск целиком посвящен политзаключенным — но не только условиям их содержания, но и их борьбе за свои права.

Издавна политзаключенные прибегали к такому способу борьбы, как голодовка. В первом выпуске "Хроники" сообщается о голодовке на 17-м пагпункте Мордовии в феврале 68 года. Политзаключенные требовали прекращения произвола лагерной администрации в назначении свиданий, изъятии бумаг и т. д. К сожалению, и в последующих выпусках очень часты сообщения об использовании политзаключенными этой безжалостной по отношению к себе формы протеста. Пугают длительностью голодовки В. Мороза, В. Федоренко, М. Джемилева в тюрьме, В. Файнберга и В. Борисова в Ленинградской спецпсихбольнице, месячная голодовка 25 политзаключенных 35-го Пермского лагеря.

В значительной степени благодаря "Хронике" политзаключенные обрели возможность апелляции к внешнему миру. В 8-м выпуске "Хроники"

(июнь 69 года) было опубликовано Бог знает каким путем вышедшее за лагерные стены письмо политзаключенных Мордовии Президиуму Верховного Совета СССР. Его авторы (Ю. Галансков, А. Гинзбург, Ю. Даниэль, В. Калниныш, В. Ронкин, Ю. Машков) предлагали депутатам Верховного Совета ознакомиться с положением политзаключенных, к которым в качестве основных мер воздействия применяют голод, холод и издевательства. Они указывали, что существующее положение не регламентируется гласными законами — депутаты могут или узаконить его, или отменить. В 11-м выпуске появилось письмо от 7 политзаключенных 17-го пагпункта Мордовии к творческой интеллигенции — об антигуманном и антинациональном характере советской системы трудовых лагерей. В следующем выпуске появились тюремные записи П.Г. Григоренко, в 18-м — обращение В.И. Чернышова (Ленинградская спецпсихбольница) к советскому обществу, обращение к мировой общественности В. Файнберга и В. Борисова о трагических судьбах политзаключенных, объявленных сумасшедшими, дневниковые записи В. Гершуни из Орловской спецпсихбольницы. В 23-м выпуске (январь 72 года) — коллективное письмо политзаключенных в Верховный Совет, где в 12 пунктах перечислялись их требования: прекратить преследования за убеждения, признать антиконституционной ст. 70 и пересмотреть все дела по этой статье, а до тех пор признать осужденных по этой статье политзаключенными с соответствующим изменением условий их содержания.

Прорыв немоты, на который долго были обречены советские политзаключенные, оказался необратимым. Вопреки всем стараниям прекратить утечку информации из мест заключения и несмотря на жестокие наказания за передачу вестей на волю, самиздат идет и из лагерей, и из Владимирской тюрьмы, и из спецпсихбольниц все возрастающим потоком.

За годы существования правозащитного движения его участники не смогли добиться улучшения условий жизни в местах заключения. Более того, режим ужесточился именно в связи с попытками перекрыть каналы связи политзаключенных с людьми, озабоченными их судьбой. Но благодаря этой связи нынешние узники уже не чувствуют себя забытыми миром, упрятыми в неизвестность, а для многих из них это было горше физических страданий.

Хочется подчеркнуть роль "Хроники" в их прорыве в мир. "Хроника" — тот постоянный адрес, куда стекаются такого рода документы, по большей части через "Хронику" они становятся известными советской и мировой общественности. Из писем и обращений политзаключенных можно составить библиотеку. Но лагерный самиздат состоит не только из писем и обращений. В него входят и "Репортаж из заповедника им. Берия" В.Мороза, и дневник 35-го Пермского лагеря, и "Хроника Архипелага ГУЛаг", и интервью политзаключенных, и "Дневники" Эдуарда Кузнецова, и стихи, и литературно-критические статьи. Вести из лагерей, занимавшие в первых выпусках "Хроники" пару страниц, теперь разрослись в многостраничные репортажи, и это не только сообщения о притеснениях. Прорыв в мир создал психологические условия для активизации борьбы политзаключенных за свои права. "Хроника" сообщает и

о переходах на статус политзаключенного, и об отказах от советского гражданства — сейчас это наиболее распространенные среди политзэков способы заявления о своих правах. Во всех лагерях с 74 г. в массовом порядке отмечают (увы, по-прежнему голодовками) 30 октября — День политзаключенного в СССР, 10 декабря — День прав человека, 5 сентября — День памяти жертв красного террора и международные события, связанные с борьбой за права человека, — такие, как начало Белградского совещания.

По материалам "Хроники" можно проследить историю правозащитного движения. "Хроника" из выпуска в выпуск констатирует использование "старых" форм движения: открытые письма и обращения о нарушениях прав человека — в правительственные органы, в советские и международные общественные организации, в прессу, к известным общественным деятелям и пр.; публикации политических процессов и юридических документов по правам человека; правозащитные публичные выступления — на творческих вечерах, диспутах, траурных митингах, партийных и пр. собраниях; демонстрации; правозащитные листовки и надписи.

"Хроника" отметила появление первой независимой общественной ассоциации — Союза независимой молодежи в г. Владимире в декабре 68 г. (8-й вып.);

— образование в мае 69 г. Инициативной группы защиты прав человека в СССР (вып. 8-й);

— создание Комитета прав человека в СССР (ноябрь 70 г. — вып. 17);

— Общественной группы — 73 (73-й г. — вып. 30);

— советской секции "Международной Амнистии" в 74 г. (вып. 34);

— групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений: в 76 г. — в Москве, на Украине и в Литве; в 77 г. — в Грузии и Армении (вып. 40, 43, 44, 46); а также

— учреждение Христианского комитета защиты прав верующих в СССР (вып. 44) и

— Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях (вып. 44).

"Хроника" постоянно освещала деятельность этих ассоциаций, аннотировала их документы, сообщала о преследованиях и арестах их членов. "Хроника" сохраняет опыт правозащитной деятельности этих ассоциаций, способствуя его преемственности, которую трудно осуществить в условиях репрессий.

В разделах "Новости Самиздата" "Хроника" стремится аннотировать литературные и публицистические произведения, а также открытые письма и обращения участников всех диссидентских направлений. Эти разделы — ценнейший справочник Самиздата. По ним прослеживается его десятилетняя история. Они свидетельствуют о многообразии взглядов приверженцев разных диссидентских направлений и одновременно — об общности их основных нравственных принципов: осуждение насильственных методов борьбы, уважение к личности, отвращение ко лжи.

Всем нам на школьной скамье вдолбили пенинское изречение по поводу "Искры": "Газета — не только коллективный агитатор, но и коллективный организатор".

Ленин стремился к свержению существующего строя, к захвату власти — и считал, что нужно начинать с организации газеты.

Участники правозащитного движения не борются за власть, не ставят политических целей. Создатели "Хроники" не мыслили это издание ни как агитатора, ни как организатора — лишь как источник доброкачественной информации. Но существует магия слова. Оказалось, что, не агитируя (а может быть, именно благодаря этому), "Хроника" многих "сагитировала" в пользу правозащитной позиции. Не задаваясь целью кого-либо или что-либо организовывать, "Хроника" помогла расширению влияния правозащитного движения других диссидентских течений.

Начало их контактов в значительной степени было обусловлено обоюдным желанием поместить в "Хронике" полную и достоверную информацию об этих движениях. Контакты помогли взаимоузнаванию — взаимопониманию — взаимопомощи. Наглядное доказательство этого — возникновение по примеру "Хроники" "Украинского вестника", "Хроники Литовской Католической Церкви", "Вестника исхода"; подписи под письмами в защиту Сергея Ковалева, Александра Гинзбурга, Юрия Орлова, Анатолия Щаранского — сотни подписей людей из многих мест СССР с несхожими убеждениями, нынешних и бывших политзаключенных и ссыльных, представителей различных диссидентских групп, евреев-"отказников", независимых художников, православных, католиков.

Десятилетняя история "Хроники текущих событий" показала, что она — не только регистратор нарушений гражданских прав в Советском Союзе, не только летопись правозащитного движения, но и его важнейшая самоценная часть.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В. Чалидзе

О ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ ИНОСТРАННЫХ АДВОКАТОВ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В последнее время вопрос о возможности участия иностранного адвоката в советском уголовном процессе стал особенно актуален в связи с попытками западных адвокатов добиться возможности вести защиту активистов советского правозащитного движения. Цель этой записки — дать короткую справку о законодательной ситуации в связи с этой проблемой.

Наибольший интерес представляет вопрос о процессуальном участии иностранного адвоката в качестве защитника в советском уголовном процессе *во время* судебного разбирательства в первой или второй инстанции. Другие формы участия иностранного адвоката в деле также интересны, но здесь пришлось бы рассматривать много различных случаев, и я не буду этого делать теперь. Замечу лишь, что эти возможности достаточно широки в случаях, когда не предполагается, что иностранный адвокат должен быть участником процесса в смысле процессуального закона. Например, советские законы не содержат никаких персональных ограничений прав любого лица направлять в государственные органы жалобы в связи с нарушением закона. Поэтому можно, например, считать, что советским законом допускается возможность подачи иностранным адвокатом жалобы в связи с, например, жестоким обращением администрации с заключенным. Точно так же в производстве по делу, по которому приговор вступил в законную силу, вполне возможно участие иностранного адвоката, подающего жалобу с просьбой к соответствующим советским органам пересмотреть дело в порядке надзора. В этом случае адвокат не является участником процесса, а является лишь автором жалобы, которая может инициировать начало пересмотра дела, а может и не привести к этому результату: в соответствии с Союзным законодательством о судопроизводстве (ст. 48 Основ) *:

Пересмотр в порядке судебного надзора вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда допускается лишь по протесту того прокурора, председателя суда и их заместите-

* Пример такой деятельности иностранных адвокатов дает группа Тейлора (см. Телфорд Тейлор и др. "Советское правосудие и эмиграция евреев", Alfred A. Knopf, New York, 1977).

лей, которым это право предоставлено законодательством Союза ССР и союзных республик.

В отношении же главного вопроса о том, может ли иностранный адвокат быть *защитником* в советском уголовном процессе в смысле, который придает этому термину процессуальный закон, принято считать, что нет, не может. Во всяком случае именно так отвечают различные советские органы на запросы иностранных адвокатов, желающих принять участие в защите дел советских подсудимых. Цель настоящей записки — разъяснить, что это привычное представление основано в большинстве советских республик разве что на том факте, что раньше таких случаев не бывало, но не основано на законе.

Основы союзного законодательства об уголовном судопроизводстве предусматривают (ст. 22):

В качестве защитника допускаются адвокаты, представители профессиональных союзов и других общественных организаций и иные лица, которым такое право предоставлено законодательством союзных республик...

Нигде не сказано, что под адвокатом в данной статье подразумевается именно советский адвокат. Я, однако, не думаю, что данный пункт может быть плодотворен для дискуссии. По-видимому, достаточно определенно подразумевается, что адвокат — это именно лицо, состоящее членом советской коллегии адвокатов, хотя из статьи 13 Союзных основ законодательства о судостроительстве и статьи 23 Закона о судостроительстве РСФСР это, пожалуй, прямо и не следует. Надо, однако, учитывать, что во многих странах есть законодательные или следующие из юридического обычая ограничения круга лиц, которые могут по закону считаться адвокатами. Если этого и нет прямо в законе, тем не менее приходится согласиться, что юридический обычай в СССР таков, что *адвокатом* в смысле процессуального закона является лишь член коллегии адвокатов и, следовательно, согласно Положению об адвокатуре, гражданин СССР.

Союзный закон, однако, предусматривает, что республиканское законодательство может расширить круг лиц, допускаемых к участию в процессе в качестве защитника. Республиканские уголовно-процессуальные кодексы по-разному определяют этот круг лиц. По кодексу РСФСР (ст. 47):

... По определению суда или по постановлению судьи в качестве защитников могут быть допущены близкие родственники и законные представители обвиняемого, *а также другие лица...* (Курсив мой — В.Ч.)

Подобная формулировка в том, что касается *других лиц*, содержится также в уголовно-процессуальных кодексах Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Литвы, Латвии, Таджикистана, Армении, Туркмении и Эстонии со следующими заслуживающими внимания особенностями: в Азербайджанском кодексе другие лица допускаются *наравне* с адвокатами без указания, что для этого требуется определение судьи или постановление

суда; в Эстонии другие лица допускаются с разрешения суда или следователя*.

В уголовно-процессуальных кодексах Украины, Узбекистана, Казахстана, Молдавии и Киргизии "другим лицам" не предоставлено право даже с разрешения суда или судьи быть защитником в уголовном процессе. В отношении этих республик приходится признать, что советский закон определенно не признает возможности участия иностранного адвоката в качестве защитника во время судебного процесса.

Что касается перечисленных республик, кодексы которых предусматривают возможность других лиц участвовать в судебном процессе, то несомненно, что иностранный адвокат (если он не родственник и не законный представитель обвиняемого) определенно должен считаться входящим в круг "других лиц". Разумеется, в дискуссии какой-либо советский чиновник может утверждать, что под "другими лицами" тоже имеются в виду советские граждане, но советский закон не дает никаких оснований для такого утверждения, и поэтому следует считать и в соответствующих случаях настаивать на том, что иностранный адвокат по советским законам в указанных республиках может участвовать в качестве защитника в уголовном процессе с разрешения суда или по определению судьи (за исключением Азербайджанской ССР, где такого разрешения не требуется).

Разумеется, на практике возникнет вопрос о том, разрешит ли суд, рассматривающий дело на территории указанных девяти союзных республик, участие иностранного адвоката в процессе. Однако теперь видно, что вопрос о получении иностранным адвокатом разрешения на участие в процессе закон в этих девяти республиках относит на усмотрение суда или судьи и никакой другой орган или должностное лицо не вправе отказать иностранному адвокату в участии в процессе. (Прецеденты таких ответов были. Известно, что г-н Апраксин, председатель Московской коллегии адвокатов, ответил на запрос по делу Щаранского, что иностранный адвокат не вправе вести защиту в советском суде, — из сказанного видно, что ответ главы Московской коллегии адвокатов не основан на законе.)

На практике, однако, оказывается так, что иностранный адвокат заблаговременно обращается к советским государственным органам с просьбой допустить его к участию в деле. Из сказанного видно, что собственно о допуске к участию в деле ему следует обращаться к тому суду, который будет рассматривать дело. Причем здесь закон повсеместно допускает некоторую двусмысленность. Когда в отношении определенного процесса закон употребляет слово "суд", имеется в виду определенная судебная коллегия и определенный состав судей, рассматривающий данное дело. В то же время в системе судостроительства суд — это опреде-

* Неясно, означает ли это, что только в Эстонии "другие лица" могут быть допущены в качестве защитника к участию в предварительном следствии или разрешение суда (судьи) может касаться участия "других лиц" также и в этой стадии процесса.

ленный, например, территориальный судебный орган. Поэтому возникает вопрос: если иностранный адвокат получил отказ Московского городского суда на свою просьбу участвовать в качестве защитника в деле, которое будет рассматриваться одной из судебных коллегий Московского городского суда, то означает ли этот отказ, что в смысле ст. 47 УПК РСФСР иностранный адвокат не получил разрешения участвовать в деле? Я думаю, что такой отказ Мосгорсуда на практике сильно затруднит дальнейшую дискуссию, однако, строго говоря, судебная коллегия и председатель этой коллегии не будут связаны таким ответом Мосгорсуда в дальнейшем разрешении вопроса о том, допустить ли этого иностранного адвоката к участию в процессе.

Кроме того, для практики весьма существенно, получит ли иностранный адвокат визу в Советский Союз для того, чтобы приехать и участвовать в процессе или хотя бы перед началом процесса ходатайствовать перед соответствующей судебной коллегией или соответствующим составом суда об участии в деле. Вопрос о получении визы не входит в компетенцию судебных органов, и теоретически возможна ситуация, когда суд сообщит иностранному адвокату, что он допущен к участию в процессе, но визу этот адвокат от соответствующих советских органов не получит. Нигде в советском праве я не нахожу какой-либо нормы, которая помогла бы разрешить такую коллизию. (Хотя на практике такая коллизия весьма маловероятна.)

Какие доводы могут применяться иностранными адвокатами в попытках добиться разрешения участвовать в советском уголовном процессе? В общем, эти доводы уже апробированы и применялись, но я скажу немного о них. Прежде всего на практике обычно речь идет не о праве иностранного адвоката участвовать в советском уголовном процессе (вообще говоря, советский закон не обязан предоставлять иностранным адвокатам как таковым никаких прав), а о праве подсудимого на защиту. Вопрос об участии иностранных адвокатов в советском уголовном процессе возник именно потому, что в Советском Союзе обвиняемый (во всяком случае обвиняемый по политическим причинам) не располагает правом получения защитника по своему выбору: система выдачи допусков адвокатам для участия в делах политического характера ограничивает возможности выбора, и на практике лица, репрессированные по политическим причинам, не раз оказывались без защитника именно потому, что никто из адвокатов, обладавших допуском, не был пригоден с точки зрения обвиняемого, либо по моральным принципам, либо по несоответствию его линии защиты линии защиты обвиняемого. Между тем, Советский Союз обязан обеспечить обвиняемому возможность пользоваться услугами защитника по его выбору, так как это право предусматривается Пактом о гражданских и политических правах, ратифицированным Советским Союзом. Именно это право — важнейший довод в дискуссии о требовании допустить иностранного адвоката к защите советского обвиняемого, к участию в советском уголовном процессе в подобных случаях, и хорошей альтернативой такого требования может являться требование предоставить подсудимому советского адвоката по его выбо-

ру, невзирая на отсутствие у такого адвоката допуска (применение такой альтернативы означает одновременно выступление в защиту прав советских адвокатов, чья творческая деятельность *незаконно* ограничивается системой допусков).

В тех случаях, когда советские чиновники не просто отвечают "нет" на ходатайство иностранного адвоката о допуске к участию в процессе, но пытаются выдвигать какие-либо соображения в пользу отказа, может возникнуть вопрос о том, что иностранный адвокат недостаточно опытен в применении советских законов и его участие в процессе поэтому не сможет обеспечить достаточную защиту обвиняемого. Хотя этот довод вполне разумен, но надо помнить, что в советском уголовном процессе могут принимать участие несколько адвокатов для осуществления защиты одного подсудимого, и будет вполне естественно, если иностранный адвокат, будь он когда-нибудь допущен к участию в советском уголовном процессе, будет работать в сотрудничестве с советским адвокатом.

В заключение отмечу, что помимо процессуального участия иностранного адвоката в советском уголовном процессе можно говорить просто о присутствии иностранного адвоката во время рассмотрения дела среди публики. Реализация такой возможности была бы весьма ценной в развитии международной защиты тех, кто по политическим причинам преследуется в Советском Союзе, однако трудности в реализации этой возможности достаточно понятны, хотя и не столь велики, как трудности в том, чтобы добиться участия иностранного адвоката в советском уголовном процессе.

Нью Йорк, март 1978 г.

ИЗ ПРОШЛОГО

Н. ХРУЩЕВ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

(Публикация В. Чалидзе)

Под этим условным заголовком "Хроника защиты" публикует в этом и следующем выпусках отдельные фрагменты из мемуаров бывшего главы советского правительства Никиты С. Хрущева. Естественно, при отборе фрагментов редакция ограничивается правозащитной тематикой: будут приведены высказывания Хрущева о свободе выезда, об отношениях его и советских властей с творческой интеллигенцией и т. п.

Об этих публикациях см. мои пояснительные записки в вып. 28 "Хроники защиты".

В этом выпуске — высказывания Н.С. Хрущева о свободе выезда.

"Это невероятно ... держать рай под замком"

Я бы хотел привести примеры из практики о моем понимании и моих взглядах насчет того, держать ли границу взаперти и не пускать за границу людей и от людей, которые хотят посетить Советскую страну. Но всем известно, что после Сталина мы открыли ворота очень широко для поездки наших людей и для поездки желающих ознакомиться с Советским Союзом; конечно, хлынули люди наших направлений и люди разных политических убеждений. А иначе и быть не может — ведь народ состоит из разных элементов, политических взглядов. Поэтому надо считаться и брать за основу то, что имеется. Поэтому ехали к нам люди с разными намерениями, и люди от нас ехали тоже с разными намерениями. Некоторые даже из туристов, которые уезжали из Советского Союза, не возвращались. Некоторые уезжали с коллективами театральными, и некоторые из этих участников не возвращались. Это огорчало, но это меня не волновало; были случаи, когда люди не возвращались, а через некоторое время слезно молили, чтобы им вернуться на Родину; много таких случаев было...

Я считаю: это невероятно — после пятидесяти лет держать рай под замком, значит.

Если, а мы коммунисты, мы считаем, так сказать, капиталистический строй — это проклятье ... ну, строй, так сказать... ну, проклятье, так сказать, в котором обрекаются люди труда на рабское... капиталистическое рабство, значит. А мы строим социализм, мы многое преуспели, значит, в этом строительстве, и... и дальше еще больше, так сказать, мы преуспеем. То, следовательно, наш строй — не следовательно, а безусловно — самый прогрессивный, значит, на данном этапе развития человечества.

Значит... значит, это, если сравнивать, так сказать, по-библейски, что это рай для человека — я понимаю, что в понимании о рае, значит, когда все, так сказать, сыпется из рога изобилия и только подставляй рот, — нет, у нас такого рая еще нет, и когда он будет, значит, я даже не знаю, как сказать, да. Но все, так сказать, оценивается относительно, значит. Поэтому я в отношении капиталистического мира, значит, мы стоим на правильных позициях..., и на этих позициях мы трудимся и многое сделали. И создали условия еще для больших успехов, значит.

Следовательно, как же мы сами себе противоречим. Вот эту хорошую жизнь, значит, чтобы удержать людей в хорошей жизни, надо держать под семью замками границу. Ну, это я слушал, как от врагов, которые говорили: что ж вы, говорит, сейчас вот... врагов... , и другой раз не враги, а и наши советские люди, некоторые зубоскалы говорили: что же, говорит, в рай, говорит, дубинкой гоните, говорит, значит. Ну, это применялось там, когда коллективизация принудительным порядком проводилась, значит, и другие акции, которые... Поэтому я считаю, что пора, и очень уж наступила пора действительно снять вот эти обвинения и лишить аргументов врагов социализма, что мы держим границу под замком и боимся и не доверяем людям, строителям социализма, значит, что они, так сказать, являются вольными людьми, вольными строителями. Они в результате... они живут и строят социализм в результате своих убеждений, а не в результате принуждения и... или вынужденных условий, когда им, как говорится, податься некуда, значит.

Это, я считаю, позорит нас, значит, и время ликвидировать этот позорящий акт. А ликвидация его — это дать возможность уехать...

Надо смотреть на Ленина. Ленин, значит, даже врагов советского строя в первые годы... в первый год революции высылали сами. А для желающих выехать была открыта возможность — пожалуйста, берите чемоданы и уезжайте. И уезжали. Много. Я помню, в 19-м году я был в армии, как раз служил в Курске, а тогда, значит, много эмигрировало на Украину, потому что там... Украина была оккупирована немцами. И поэтому они, так сказать, направлялись, значит, на юг, значит. И тогда в "Красноармейском вестнике", так сказать, устном, значит, всякие анекдоты рассказывали, значит, как проходили эту границу, как там обыскивали, как ценности скрывали, какие, так сказать, находили потайные места, так сказать, люди, которые хотели сохранить очень небольшие по объему, но очень ценные по ценности вещи, как их извлекали, как их находили... ну, много таких, я бы сказал, значит, и... правда, а может быть, и, значит, это правда, одобренная солдатскими молодежными такими выдумками, значит.

Но сам факт был, что люди уезжали. Уезжали. Было открыто. Теперь, после пятидесяти лет, мы, значит, должны построить такое отношение, что в каждом человеке рассматривать как невозвращенца, который не заслуживает доверия. Ну, это... это я считаю, что стоять на такой позиции — это позорить нашу идею, позорить наше учение марксистско-ленинское, иа... наш советский строй. Поэтому я против этого, я против этого.

Дело Владимира Ашкенази

Когда я возглавлял правительство и... молодой пианист, который получил премию на конкурсе им. Чайковского, был женат... не был, а он и сейчас женат на девушке, которая училась тоже у нас в консерватории, англичанка, значит, и у них ребенок был.

После окончания, после конкурса они выехали в Англию. Там родители этой... англичанки, англичане... живут. Мне говорили, что она вроде родом, значит, или родилась в Исландии, но вот... все-таки она англичанка и, видимо, английская подданная, значит. Паспорт у нее английский.

И... это Ашкенази, значит, пианист Ашкенази. Хороший пианист, значит, я слушал его и поздравлял его, когда ему была присуждена премия. И потом, теперь вот я слушал, значит, и по радио, и слушал по телевидению, передавали его игру, значит. Он пришел в посольство английское наше... в наше посольство в Англии, в Лондоне, и говорит, сказал вот такое: я, говорит, случай... жена отказывается ехать, говорит, в Советский Союз, я ее очень люблю, у нас ребенок есть, говорит, как мне быть? Я, говорит, прямо... значит, это для меня такой удар, значит, вот...

Посол сейчас же сообщил нам. Мне доложил Громыко, что вот получена телеграмма от нашего посла. Я посоветовался с товарищами и предложил. Я говорю: давайте так. Дать ему паспорт. Пусть он паспорт возьмет, значит, ну... какого срока он захочет, значит, и бессрочный. И он может с этим паспортом, значит, всегда приехать в Советский Союз и выехать из Советского Союза тогда, когда он захочет. Это его выбор, я говорю. Это, я говорю, единственное возможное. Потому что, если мы будем добиваться, чтоб он вернулся, он, видимо, не вернется. И он не антисоветский человек, но мы его сделаем антисоветским человеком, потому что, раз он не выполнит нашей воли, нашей рекомендации, значит, он противопоставит себя правительству, значит, Советского Союза.

Значит, а сейчас же найдутся люди и найдутся комментаторы, значит, и... и... толкователи и начнут его обрабатывать в антисоветском... Зачем нам плодить такого человека? Ну, что случится, если он будет жить в Лондоне и будет приезжать сюда, и у нас будет... Там будет давать концерты, видимо, он же музыкант, значит, как говорится, человек свободной профессии, и у нас будет выступать, так сказать. Но он будет гражданином Советского Союза.

Все согласились, так мы и сделали. И мне приятно, когда я сейчас вот, пользуясь техникой радио, слушаю, значит, когда объявляют, что выступает или будет выступать тогда-то пианист Ашкенази, значит, в Москве. Мне было приятно, значит, и приятно сейчас, значит, что мы сохранили

имя, честное имя крупнейшего пианиста, значит, за... за собой, за своей страной, за Советским Союзом. И не разрушили и семейную жизнь.

Может быть, когда-то придет время, может быть, она захочет приехать, значит, уже обосноваться в Москве с мужем. Может быть. А может быть, может и так случиться, что он обоснуется в Лондоне. Это тоже я не исключаю. Ну что ж! Ну что ж. Я считаю, что настала пора уже сейчас, пора, когда надо думать, значит, и предоставить возможность выбора гражданину Советского Союза — хочет он жить в Советском Союзе или, если он хочет выехать, временно выехать в какую-либо страну, а может быть, и совсем, — пожалуйста, предоставить ему эту возможность.

О поездке Рихтера

Я бы пример привел и известного риска. Я не помню, как возник вопрос: или же персонально товарищ Рихтер пожелал поехать за границу, или в порядке договоренности между государствами должен был представлять Советский Союз как великий музыкант; мне сразу стали доказывать, что посылать товарища Рихтера за границу опасно, что он по национальности немец, что мать его живет в Западной Германии, что он, возможно, вероятнее всего, пожелает соединиться со своей матерью. Хотя мне тут же говорили, что с матерью у него холодные отношения. Я не помню, как это объяснялось и чем это вызывалось, но мне говорили, и надо было решать. Я высказался в коллективе, что я за то, чтобы разрешить товарищу Рихтеру заграничную поездку. Мне говорят, что он может и не вернуться. Так что же, всегда мы какой-то риск берем. Конечно, будет жалко потерять такого музыканта, каким является Рихтер, но нельзя никому не верить и всех подозревать, что они изменники. А может быть, он и вернется, это будет хорошая слава для Советского Союза и пропаганда нашей культуры, нашего режима более свободного, который доверяет всем людям. Товарищ Рихтер, как мне потом рассказывали, побывал в Западной Германии, побывал у своей матери, ну, потом много ездил по другим странам, я сейчас не могу перечислить... Я это как факт говорю и тем самым демонстрирую мое понимание и мой взгляд на эти вещи. Потом он ездил много раз и всегда приезжал и всегда привозил в Советский Союз большую славу музыкального искусства Советского Союза.

О поездке Плисецкой

Я бы сослался на пример более сложный с нашей балериной Майей Плисецкой. Ну, все знают ее имя... [когда] театр выезжал за границу, то ее исключали, и она не ездила. Это, конечно, ее угнетало, оскорбляло и прочее. Потом я не знаю, сколько раз это повторялось. Она обратилась с письмом в ЦК, по-моему, адресовалась персонально ко мне. Я ознакомился с этим письмом, и она там выражала недовольство, что ее не пускают за границу, что ее это оскорбляет и наносит обиду, что ей не доверяют, заверяла, что она патриотка Советского Союза и что она просит доверять ей при поездках за границу Большого театра и не исключать ее из этого кол-

лектива... *(пропуск)* ... Во многих странах ее поездки проходили очень бурно, и она приносила большую славу советскому балетному искусству. Вот примеры доверия и, если грубо говорить, оплата этого доверия со стороны Майи Плисецкой.

У меня были и другие случаи, когда я шел на риск и доказывал коллективу, с которым я работал, что без риска нельзя.

О невозвращенке

... По Гвинее. Потом возник какой-то глупый вопрос. Наша преподавательница, которую мы послали в Гвинею, отказалась вернуться в Советский Союз; видимо, наши органы, которые занимались этим вопросом, неправильно поступили и проявили бюрократическую ретивость с тем, чтобы ее оттуда вернуть в Советский Союз. Когда я об этом узнал, я возмутился: какое это имеет значение, что эта женщина хочет остаться в Гвинее, может быть, она сошлась с каким-то, нашла себе постоянного мужчину, так пусть она там и остается. Одним словом, по этому вопросу разгорелась настоящая дипломатическая перепалка, и я к этому вопросу отношусь с пониманием. Гвинеяцы могли это рассматривать как какое-то оскорбление, тем более что это могло вызвать какую-то ассоциацию, что, мол, белый против черного, что, мол, мы возмутились за преподавательницу белую, которая хочет остаться в африканской стране. Я не знаю, чем это было у нее вызвано, думаю, что это было у нее на половой основе, но это дело ее, дело личное. Мы всегда смотрели свободно на эти вопросы, поэтому для нас белый он или черный или желтый не имеет значения, для нас суть человека, душа и главное — его классовая принадлежность. Это для нас главное определение и оценка человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

Поступления Самиздата

- Арутюнян Ш. Обращение к Армянскому Национальному Совету Германии в Мюнхене с просьбой о помощи в выезде из СССР, 1977 г.
- Боннэр Е. Телеграмма Э. Кузнецову с предложением снять голодовку, 12 января 1978 г.
- Васильев В., пятидесятник. Заявление в Комитет по защите прав верующих, в ООН, в Литовскую группу "Хельсинки" с просьбой помочь выехать из СССР, 6 мая 1977 г.
- Вознесенская Ю. Сообщение о бунте в лагере общего режима, 1977 г.
- Галецкий Р., адвентист. Сообщение о преследованиях семьи адвентиста Конева И.А., 13 января 1978 г.
- Галецкий Р., адвентист. "Об этом молчать нельзя! (Посвящается годовщине ареста Александра Гинзбурга – активного участника движения за права человека в СССР.)", 2 апреля 1978 г.
- Галецкий Р., адвентист. "Чужие раны не болят! (Посвящается годовщине ареста Юрия Орлова – руководителя Хельсинкской группы содействия, активного борца за права человека в СССР.)", 9 февраля 1978 г.
- Галецкий Р., адвентист. Сообщение об аресте и осуждении адвентиста Карпенко Бориса, 2 февраля 1978 г.
- Галецкий Р., адвентист. "Факт очередного произвола" – об аресте адвентиста Якова Долготера, 9 февраля 1978 г.
- Гольдштейн И. Заявление Председателю КГБ при СМ Грузинской ССР, 2 июня 1977 г.
- Гольдштейн И. "Жалоба" министру внутренних дел Грузии на лишение его прописки, 8 декабря 1977 г.
- Гольдштейн И. Справка для ОВИРа о его согласии на отъезд в Израиль его жены и сына, 10 декабря 1977 г.
- Гольдштейн И. Заявление министру внутренних дел Грузии с просьбой распорядиться о прекращении его преследования как тунеядца, 20 января 1978 г.
- Гольдштейн И. Заявление в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой лишить его советского гражданства и выдать вид на жительство как гражданину Израиля, 4 января 1978 г.
- Гольдштейн М. Протест против ареста ее сына Григория Гольдштейна, 22 января 1978 г.
- Григоренко П. "Микола Руденко подвергается пыткам! – Открытое письмо участникам Совещания в Белграде", 18 октября 1977 г.
- Давыдов Г., политзаключенный. Заявление на имя Председателя Конституционной комиссии Л. Брежнева, 15 июня 1977 г.
- Джемилев М. Заявление в Президиум Верховного Совета СССР, 29 января 1978 г.

- Копысов И. Статья "Треплет на Руси фанфары (Приметы времени)", конец 1977 г.
- Лернер А. Открытое письмо Л.И. Брежневу, 1977 г.
- Лерт Р. Статья "На круги своя...", февраль 1978 г.
- Лукьяненко Л. Заявление в Президиум Верховного Совета СССР, 24 августа, 1977 г.
- Ляхов А. Письмо в Инициативную группу и Московскую группу "Хельсинки" о том, что он дал в КГБ показания на своих знакомых и что возможны их аресты, Ленинград, 27 мая 1977 г.
- Марченко А. Текст выступления на съезде американских профсоюзов, на который он был приглашен, 1 декабря 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Мейман Н. "Монумент у Бабьего Яра", 15 декабря 1977 г.
- Мейман Н. Заявление для прессы об отказе участвовать в следствии по делу А. Щаранского, 4 декабря 1977 г.
- Мейман Н. Открытое письмо Президенту Академии наук СССР академику Александрову, 21 декабря 1977 г. (по-английски).
- Мешко О. Заявление в адрес Совецания в Белграде об аресте Л. Лукьяненко, 13 декабря 1977 г.
- Назарян Р. "Автобиография", 30 августа 1977 г. (перевод с армянского).
- Осадчий М., политзаключенный. Обращение в Украинскую группу "Хельсинки", 20 ноября 1977 г.
- Подрабинек А. Отрицательный "Ответ" на предложение КГБ покинуть СССР, 5 декабря 1977 г.
- Подрабинек А. Письмо Председателю КГБ Андропову, 19 декабря 1977 г.
- Подрабинек А. Открытое письмо в "Международную Амнистию" с просьбой выступить в защиту его брата Кирилла, 5 января 1978 г.
- Подрабинек К. "Несчастные" — очерк о положении в Советской Армии, сентябрь 1977 г.
- Подрабинек К. Сообщение о преследованиях со стороны КГБ, 5 ноября 1977 г.
- Подрабинек К. "Шантаж КГБ", 7 декабря 1977 г.
- Романюк В., политзаключенный. Открытое письмо президенту США Картеру, 1977 г.
- Романюк В., политзаключенный. Обращение к святейшему Павлу VI, Папе Римскому, 1977 г.
- Романюк В. Обращение к Митрополиту УАПЦ с просьбой помочь выехать его семье из СССР, 1977 г.
- Руденко Н. Последнее слово на суде, 1 июля 1977 г.
- Руденко Райса. Открытое письмо участникам Совецания в Белграде с просьбой выступить в защиту ее мужа — Н. Руденко, 1 ноября 1977 г.
- Сахаров А. Интервью итальянскому журналу "Трацие", 31 января 1978 г.
- Слепак М. Обращение к Совецанию в Белграде с просьбой помочь ей и ее сыну выехать в Израиль, 25 октября 1977 г.
- Ханзадян С., писатель. Открытое письмо Брежневу о территориальной проблеме Нагорного Карабаха, Ереван, лето 1977 г. (перевод с армянского).
- Хейфец М., политзаключенный. Заявление начальнику лагеря в связи с помещением в ШИЗО больного В. Стуса, 10 сентября 1976 г.

- Хейфец М., политзаключенный. Заявление Прокурору Армянской ССР с требованием легализации Национальной партии Армении и освобождения ее членов из заключения, 5 декабря 1976 г.
- Хейфец М., политзаключенный. Заявление Генеральному Прокурору СССР о том, что, несмотря на то что сейчас в СССР максимальный срок заключения – 15 лет, в лагере до сих пор находятся люди с 25-летними сроками, 30 октября 1976 г.
- Шаповал Е. "В Конституционную комиссию" – обсуждение проекта новой Конституции СССР, 26 сентября 1977 г.
- Якунин Г., священник. Открытое письмо Председателю Совета по делам религий при Совете Министров СССР Куроедову, 21 марта 1977 г.

Коллективные произведения

- Боннэр Е., Сахаров А. Обращение с призывом поддержать требование Э. Кузнецова о предоставлении ему свидания, 16 января 1978 г.
- Васильевы В. и Н., пятидесятники. "Заявление о выезде из СССР" в МВД Литовской ССР, 7 июня 1977 г.
- Гольдштейны Г. и И. "Письмо благожелательной английской даме о разнице между нуждами английских пожарных и советского правительства", 18 декабря 1977 г.
- Гольдштейны Г. и И. "Секретоносители или заложники", 27 декабря 1977 г.
- Гольдштейны Г. и И. и Быкова Е. Заявление в Президиум Верховного Совета СССР с призывом освободить всех узников Сиона в СССР, 1 ноября 1977 г.
- Гольдштейны Г. и И. и Тваладзе Э. "Открытое письмо всем людям доброй воли" с призывом выступать за освобождение всех узников Сиона в СССР и в особенности А. Щаранского, 15 декабря 1977 г.
- Григоренко П., Григоренко З. "Заявление для печати в связи с поступившими к нам вопросам иностранных корреспондентов в Москве" – в связи с поездкой в США к сыну и на лечение, 11 ноября 1977 г.
- Захаров М., Гордиенко О., Лебедев С. Заявление в Президиум Верховного Совета СССР об отказе от советского гражданства и намерении выехать из СССР и письмо Генеральному секретарю ООН К. Вальдхайму, Новосибирск, 20 февраля 1978 г.
- Сахаров А., Григоренко П., Джемилев Р. Обращение к Генеральному Прокурору СССР Руденко и министру внутренних дел Щелокову об угрозе новых преследований Мустафы Джемилева, 15 ноября 1977 г.
- Сахаров А., Григоренко П., Джемилев Р. Телеграмма начальнику лагеря, в котором содержался Мустафа Джемилев, с запросом о здоровье Джемилева, 15 ноября 1977 г.
- Тихий А., Романюк В. "Письмо украинских политзаключенных (попытка обобщения)" – о национальном пробуждении Украины, 1977 г.
- 9 политзаключенных Мордовского лагеря особого режима (С. Караванский, Э. Кузнецов и др.). Обращение ко всем демократическим организациям мира, к Комитету по защите прав человека в СССР, к Группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений, декабрь 1977 г.

- 9 политзаключенных Мордовского лагеря особого режима (С. Караванский, Э. Кузнецов и др.). Меморандум в Президиум Верховного Совета СССР, 1977 г.
- 24 баптиста г. Сумы. Заявление о преследовании в армии баптиста Н. Кравченко, 26 мая 1977 г.
- 12 монахов Киево-Печерской Лавры. Заявление на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнева с просьбой открыть Киево-Печерскую Лавру и разрешить им вернуться туда, 1977 г.
- Группа христиан-пятидесятников, проживающих в Эстонии. Письмо президенту США Картеру с просьбой помочь им выехать из СССР, 1977 г.
- 125 советских евреев. Обращение к участникам Совещания в Белграде, 1977 г.
- Группа евреев (30 подписей). Заявление в Президиум Верховного Совета СССР в защиту А. Щаранского, 13 ноября 1977 г.
- 23 подписи (И. Жолковская, Т. Великанова и др.). В защиту Александра и Кирилла Подрабинеков, 28 декабря 1977 г.
- 7 подписей (Н. Мейман, В. Слепак и др.). Обращение к участникам Совещания в Белграде, Генеральному секретарю ООН Вальдхайму, Председателю АФТ-КПП Дж. Минни о незаконном задержании людей, подозреваемых в намерении принять участие в демонстрации в День прав человека 10 декабря, декабрь 1977 г.
- 9 подписей (Подрабинец А., Каплун И. и др.). Заявление с требованием освобождения чешских политзаключенных Хавела, Павличека, Орнеста и Ледерера, 19 октября 1977 г.
- Группа москвичей и ленинградцев (Григоренко П., Нечаев В. и др.). Обращение к деятелям культуры стран, подписавших Хельсинкское соглашение, 1977 г.
- 110 подписей. "В защиту Юрия Орлова" – к годовщине ареста, февраль 1978 г.

Анонимные произведения

- Три сообщения о Владимирской тюрьме – "Об отправке жалоб и заявлений из Владимирской тюрьмы", "О работе со стукачами" и о питании. Сообщение о национальной дискриминации властями Крымской области возвращающихся в Крым крымских татар, начало 1977 г.
- Группа крымских татар (2500 человек). Обращение к Белградскому совещанию, Политбюро ЦК КПСС, Верховному Совету СССР и общественности с просьбой "в канун 60-летия победы Октября восстановить завоевания Октябрьской революции в Крыму, растоптанные в 1944 году врагами советской власти", начало 1977 г.
- Группа верующих-адвентистов. Открытое заявление в Президиум Верховного Совета СССР о подавлении религиозной свободы, 13 января 1978 г.
- Запись судебного процесса по делу Марка Нашпица и Бориса Цитленка, Москва, апрель 1975 г.

Сообщение о политзаключенном Василии Федоренко.

Сообщение о продолжающихся преследованиях пятидесятников, желающих уехать из СССР, 1977 г.

“Факты и только факты” – о преследованиях пятидесятников, желающих уехать из СССР, 1977 г.

Католики Молдавской ССР (15000 человек). Сообщение о положении Католической Церкви в Молдавии.

Группа католиков Молдавской ССР. Обращение к Его Преосвященству Папе Павлу VI за помощью в связи с преследованием в Молдавии Католической Церкви.

“О переселении таджикских горцев” (опубл. наст. вып.).

Документы ассоциаций

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

Документ № 30 (на копии рукописно указан № 25). О нарушениях почтовой и телефонной связи, 2 февраля 1978 г. (опубл. наст. вып.).

Документ № 31. Об аресте члена Украинской группы “Хельсинки” Льва Лукьяненко и преследованиях других членов групп, 2 февраля 1978 г.

Документ № 32. О нарушениях права на свободу выбора страны проживания, 2 января 1978 г.

Документ № 33. В защиту Зиновьева, февраль 1978 г. (опубл. наст. вып.).

Документ № 35. Заявление о Совещании в Белграде, 1978 г.

Документ № 37. Обращение к советскому правительству и международным организациям о необходимости создания в СССР Свободной независимой ассоциации инвалидов труда, детства, случая и общего заболевания, 23 февраля 1978 г.

Документ № 38. О социальном обеспечении в СССР, 23 февраля 1978 г. Заявление в связи с образованием независимого профсоюза трудящихся, 9 февраля 1978 г.

Украинская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Меморандум № 18. О дискриминации украинцев в области права на эмиграцию, декабрь 1977 г. (перевод с украинского).

Информационный бюллетень № 1, февраль 1978 г.

Обращение к Белградскому совещанию по оценке выполнения Хельсинкских соглашений в защиту арестованного члена группы Л. Лукьяненко, 18 декабря 1977 г. (опубл. наст. вып.).

Заявление в Президиум Верховного Совета Украинской ССР об арестованных членах Группы Руденко, Тихом, Мариновиче и Матусевиче, май 1977 г. (на украинском языке).

Заявление о судьбе политзаключенного Богдана Чуйко, май 1977 г. (на украинском языке).

Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР

Информационный бюллетень № 4, октябрь-ноябрь 1977 г.

Информационный бюллетень № 5, 15 декабря 1977 г.

Информационный бюллетень № 6, 1 февраля 1978 г.

Обращение к осеннему заседанию Американской Психоаналитической Ассоциации в защиту В. Рождествова, 9 декабря 1977 г.

Христианский комитет защиты прав верующих в СССР

Обращение к "Участникам Всемирной конференции "Религиозные деятели за прочный мир, разоружение, справедливые отношения между народами" с просьбой добиться отмены приговора Иосифу Бегуну, 3 июня 1977 г.

Сообщение об аресте пятидесятника Юркива М., о высылке из Москвы приехавших хлопотать о выезде в США пятидесятников г. Находки и об угрозе лишения родительских прав семьи баптиста Хайло, 2 февраля 1978 г.

Обращение к годовщине ареста Ю.Ф. Орлова, 10 февраля 1978 г. (опубл. наст. вып.).

Христианский комитет защиты прав верующих в СССР, Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях, Украинская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Обращение к мировой общественности о преследованиях семьи баптиста Хайло, 1978 г.

Свободный профсоюз трудящихся в Советском Союзе

Устав, 1 февраля 1978 г. (опубл. наст. вып.).

Всесоюзный Совет Всесоюзной Церкви Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня

"Краткий очерк истории Всесоюзной Церкви АСД", 27 октября 1977 г.

"О проекте новой Конституции".

Официальные документы

Характеристика на Меймана Н.С., выданная для представления в ОВИР Институтом теоретической и экспериментальной физики, Москва, 5 августа 1975 г.

Приговор по делу Бабича С.А. и Радчука Н.А., 4 августа 1976 г.

Определение кассационного суда по делу Бабича С.А. и Радчука Н.А., 23 августа 1976 г.

Повременные издания

"Хроника текущих событий", вып. 47, 30 ноября 1977 г.

"Из желтого безмолвия. (Сборник воспоминаний и статей политзаключенных психиатрических больниц)", составители А. Подрабинек и В. Некипелов. Выпуск 1, Москва, 1977 г.

Издательство "Хроника" за пять лет

- "Хроника защиты прав в СССР, выпуски 1-28, по-русски и по-английски.
"Хроника текущих событий", выпуск 28.
"Хроника текущих событий", выпуски 28-31 (в одной брошюре).
"Хроника текущих событий", выпуски 32-47 (каждый выпуск – отдельной брошюрой).
"Архив Хроники" (приложение к "Хронике текущих событий"), выпуск 1, 1975; выпуск 2, 1977.
"Сборник документов общественной Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР", выпуски 1, 2, 3 (1977), 4 (1978).
А. Сахаров. "О стране и мире" (распродано).
А. Сахаров. "О стране и мире". Сборник произведений (Нобелевская лекция, "О стране и мире" и др. работы).
А. Сахаров. "Тревога и надежда. Один год общественной деятельности А.Д. Сахарова", сост. Е. Янкелевич.
А. Марченко. "От Тарусы до Чуны", 1976.
Л. Чуковская. "Открытое слово", 1976.
"Литературные дела КГБ" (дела Суперфина, Эткинда, Хейфеца, Марамзина) под редакцией В. Чалидзе (распродано).
В. Чалидзе. "Права человека и Советский Союз", 1974.
В. Чалидзе. "Уголовная Россия. Очерки преступности в СССР", 1977.
В. Чалидзе. "Лекции о правовом положении рабочих в СССР", 1976.
Джон Стюарт Милль. "О свободе" (перепечатка с издания 1900 г.) (распродано).
"Сборник Конвенций по правам человека, ратифицированных Советским Союзом", 1975 (распродано).
"Самосознание". Сборник статей, составленный П. Литвиновым, М. Меерсоном-Аксеновым, Б. Шрагиным, 1976.
"Андрей Твердохлебов – в защиту прав человека", под ред. В. Чалидзе, 1975.
М. Лунин, декабрист. Сочинения и письма (перепечатка с книги 1923 г. с приложениями), 1976.
В. Турчин. "Инерция страха. Социализм или тоталитаризм"*, 1977.
"Владимирская тюрьма". Сборник статей и документов. Сост. В. Буковский, 1977.
П. Григоренко. Сборник статей, 1977.
М. Иоффе. "Одна ночь. Повесть о правде", 1978.
"Память". Исторический сборник, выпуск 1, 1978.
"Мальва Ланда – в защиту прав человека", 1976.
"Дело Твердохлебова", 1976.
"Дело Ковалева", 1976 (распродано).
Е. Гнедин. "Из истории отношений между СССР и фашистской Германией". Документы и современные комментарии, 1977.

* Подзаголовок книги ошибочно опущен при публикации.

- “Дело Айрикяна” – документы по делу армянского политзаключенного Паруйра Айрикяна, 1977.
- Н. Буковская. “Письма матери”, 1976 (распродано).
- “День политзаключенного в СССР – 1975”, (распродано).
- “Судебный процесс по делу Эстонского демократического движения”, 1976 (распродано).
- А. Сахаров. “О письме А. Солженицына ‘Вождям Советского Союза’”, 1974 (распродано).
- “Пытки в Грузии”, 1976 (распродано).
- Сборник документов Инициативной группы по защите прав человека в СССР, 1976.
- А. Сахаров. “Тревога и надежда”, 1977 (распродано).
- “Положение о религиозных объединениях”, 1975 (распродано).
- “To Defend Superfin”, 1974 (out-of-print).
- “In Defense of Andrei Tverdokhlebov”, 1975.
- “In Defense of Sergei Kovalev”, 1975 (out-of-print).
- “Vladimir Bukovsky – Soviet Dissenter”, 1976 (out-of-print).

В печати

- “СССР – рабочее движение?”. Сост. В. Чалидзе.
- “Хроника Литовской Католической Церкви”. Избранные выпуски.
- А. Некрич. “Наказанные народы”.
- “Судьба офицера и ученого”. Архив русского физика П. Кушникова.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Айрикян П.	51	Галансков Ю.	45,50,	Завуров Амнер	51
Акимова	48		52,53,56	Захариас Дж.	6
Александров А.	70	Галецкий Р.	69	Захаров М.	71
Алексеева Л.	49-58	Гаценко	22	Зиновьев А.	16-17,73
Алтунян Г.	50	Гель И.	51		
Амальрик А.	50	Гендлер Ю.	50	Иофе О.	50
Андропов Ю.	70	Георгадзе М.	10		
Антонюк З.	51	Гершуни В.	50,56	Капенский В.	43
Апраксин	61	Гинзбург А.	5-7,45,50,	Калинец И.	51
Арутюнян Ш.	69		52,53,56,58,69	Калиниченко В.	12
Ашкенази В.	66	Глейзер Д.	6	Каллистратова С.	17,
		Голдбахер Г.	6		30
Бабицкий К.	50	Голдбергер М.	7	Калниньш В.	56
Бабиц С.А.	74	Гольдштейны Г. и И.		Кандыба И.	12,13,15
Баев Г.	50		28,69,71	Капитанчук В.	8
Балакирев В.	51	Гольдштейн М.	69	Каплун И.	72
Барладяну В.	51	Горбаневская Н.	45-	Караванский С.	50,
Бартошевич	25		48,49,50,53		71,72
Бегун И.	74	Гордиенко О.	71	Карпенко Б.	69
Бедрило С.	50	Горетой Н.	12	Картер Дж.	29,70,72
Бердник О.	12	Григоренко З.	71	Квачевский Л.	50
Богораз Л.	50	Григоренко П.	4,9-10,	Кларк Р.	5
Болонкин А.	51		50,56,69,71,72	Ковалев С.	49,51,58
Боннэр Е.	17,30,69,71	Громыко А.	66	Конев	69
Борисов Вл.	21,50,55,			Копысов И.	70
	56	Давыдов Г.	69	Коровин	51
Брежнев Л.	10,69,70,	Дандарон Б.	51	Косыгин А.	31
	72	Даниэль Ю.	56	Кочубиевский Б.	50
Буковский В.	51	Делоне В.	50	Кравченко Н.	72
Бурмистрович И.	50	Деренчук	13	Красин В.	46,51
Быкова Е.	71	Джемилев М.	50,51,	Кривенко Г.	25
			55,69,71	Кудирка С.	51
Вайль Б.	50	Джемилев Р.	71	Кузнецов В.	50
Вальдхайм К.	9,71,72	Добровольский А.	50	Кузнецов Э.	50,56,
Васильев В.	69,71	Добрынин А.	6		69,71,72
Васильева Н.	71	Долготер Я.	69	Кукуй В.	51
Веллканова Т.	12,72	Дремлюга В.	50	Куроедов	71
Винаров Я.	51	Дымшиц М.	50	Куш П.	6,7
Винс Г.	51,54	Дэвидов М.	27		
Вознесенская Ю.	51,69			Лавут А.	12
Воронин	52	Егидес П.	50	Ладыженский Л.	51
				Ланда М.	51
Габай И.	46,50	Жолковская И.	30,72	Лашкова В.	50

Лебедев С.	71	Орнест О.	72	Семенова	21
Левин А.	50	Осадчий М.	70	Сеник И.	51
Ледерер И.	72	Осипов В.	51	Сергиенко А.	51
Ленин В.	58,65	Осипова Т.	12,17,30	Слепак М.	70
Лернер А.	70	Остролицкий А.	26	Слепак В.	17,28, 30,72
Лерт Р.	70	Павлинчук В.	52	Сокульский И.	50
Лисовой В.	51	Павличек Ф.	72	Солдатов С.	51
Литвинов П.	50	Павлов В.	43	Солженицын А.	5,6
Лукьяненко Л.	11-15, 70,73	Палатник Р.	51	Солженицына Н.	5
Луцкер	37	Пашнин Е.	28	Сорокин В.	41
Любарский К.	29,44, 51	Перчаткин Б.	29	Сталин И.	64
Ляхов А.	70	Пименов Р.	50	Стасив-Калинец И.	51
Макмиллан Э.	6	Пирогов С.	51	Стрельцов В.	12
Малкин А.	37,38,51	Плисецкая М.	67-68	Строкатова Н.	12,51
Марамзин В.	51	Плющ Л.	52	Студенков	50
Маринович М.	4,11,73	Подгорный Н.	54	Стус В.	51,70
Марченко А.	21-27, 44,70	Подрабинек А.	12,70, 72,74	Суперфин Г.	51
Маршак Р.	7	Подрабинек К.	70,72	Талантов Б.	50
Матусевич Н.	4,11,73	Пономарев	50	Тваладзе Э.	71
Машков Ю.	56	Попович О.	51	Твердохлебов А.	51
Мейман Н.	12,17,30, 70,72,74	Примакофф Г.	6	Тейлор Т.	59
Мешко О.	12,13,70	Пронюк Е.	51	Тельников В.	48
Мини Дж.	72	Прусаков В.	50	Тихий А.	5,11,12,15, 51,71,73
Михеев Д.	51	Радчук Н.А.	74	Турчин В.	6
Мороз В.	13,15,51, 55,56	Рипс И.	50	Файнберг В.	55,56
Мяттик К.	51	Рихтер С.	67	Федоренко В.	55,73
Назарян Р.	70	Рождествов В.	74	Франко И.	15
Нашиц М.	72	Романюк В.	51,70,71	Хавел В.	72
Недобора В.	50	Ронкин В.	56	Хайбулин В.	8
Некипелов В.	17,30, 51,74	Рубан П.	51	Хайло В.	74
Нечаев В.	72	Руденко Н.	5,11,15, 51,69,70,73	Ханзадян С.	70-71
Никсон Р.	29	Руденко Раиса	70	Хаустов В.	51
Новиков М.	35-42	Садунайте Н.	28	Хейфец М.	51,70
Новодворская В.	50	Салова Г.	29	Холл Г.	27
Обидин В.	41	Сахаров А.	70,71	Хрущев Н.	64-68
Орлов Ю.	4,5-8,58, 69,72,74	Сверстюк Е.	51	Цитленок Б.	72
		Светличная Н.	51	Чалидзе В.	59-63,64
		Светличный И.	51	Чамберлейн О.	7
		Селиванов К.	31	Черновол В.	51
		Селищева Н.	41		
		Сельницкий	37		

Чернуха В.	15	Шелков В.	4	Щеглов В.	8
Чернышов В.	56	Штерн М.	51	Юрков М.	74
Чу Дж.	6	Шумук Д.	51	Якир П.	51
Чуйко Б.	73	Шухевич Ю.	51	Якунин Г.	8,12,71
Шабатура С.	51	Щаранский А.	7,38,	Янг С.Н.	7
Шаповал Е.	71		58, 61,70,71,72	Яхимович И.	50,52
Шевченко Т.	15				